Наследники Авиценны

Алексей Константинович Смирнов

SHOUT
SHARE
IT

- Наследники Авиценны
  - "Товарищ, ты вахту не в силах стоять", - сказал санитар кочегару
  - Продолжение
  - Вилка
  - Бездна
  - Между волком и собакой
  - Между волком и собакой. Часть вторая
  - Сельдеррея
  - Выпадая кукушкой из аистового гнезда
  - Врачебная тайна
  - Прощальные гастроли
  - Пидиатор
  - Паршивые овцы
  - Оксиение
  - С миру по нитке
  - Гипердолоид
  - Ревизия
  - Инкубы и суккубы
  - Ксенофобия
  - Наследие доминиканцев
  - Перекур
  - Рассказ о шести-семи повешенных
  - Шор
  - Любовь к отеческим гробам
  - Сума и тюрьма
  - Междометие
  - Смычка
  - Петров день
  - Под конвоем заботы (простите меня, Генрих Белль)
  - Ангелы и демоны
  - Скафандр
  - Профессор Лапотников
  - Научная работа
  - Хромосомы
  - Тревога
  - Ложный вызов
  - Поэтическими бульварами
  - Солнцеворот
  - Мемориал
  - Летуны и ползуны
  - Госпиталь
  - Мешок "АМБУ"

- Белый вертолет
- Чип и Дейл спешат на помощь
- Нотабене
- Эпидемиологический прецедент
- Холера и Doom
- Проблема
- Репрезентативная выборка
- Академик Углов
- Явное становится тайным
- Корабельные новости
- Крупная рыба
- Трость
- Шестое чувство
- Цирк уехал, а клоуны остались
- Корневой каталог
- Корневой каталог (продолжение)
- Корневой каталог (окончание)
- В джазе только девушки
- Фактор страха как слабое звено
- Удаленная диагностика
- Сестры и Хмурое утро
- Обезьянка
- Вампиры и стереотипное мышление
- Положительная динамика
- Культурный голод
- Академический интерес
- Лестница Якобы
- Сорока-белобока
- Трансформация мистики
- В ожидании чуда
- Межа
- Загляните в семейный альбом
- Роза ветров
- Профиль и анфас
- Голод: реалити-шоу
- Письма издалека
- Каменный гость
- Открытый урок
- Черная Вдова
- Ганнибал
- На языке жестов
- Пустые хлопоты
- Точка сборки
- Терапевтические отношения

- Белые Полковники
- Ювелирное дело
- Муму: Явление барыни
- Эффективный менеджмент
- Хустаффсон
- Нерастворимые осадки

Наследники Авиценны

"Товарищ, ты вахту не в силах стоять", - сказал санитар кочегару

Для тех, кто следил за хроникой "Под крестом и полумесяцем" - приложение.

Казалось, что все динозавры и мамонты вымерли. Кого раздавило льдом, кого разорвали на хобот и бивни. Не тут-то было.

Давным-давно в моей больнице была одна такая главная врач. Потом ее выпихали, но эту песню не задушишь и не убьешь. Престарелая леди, инвалид первой группы, продолжала трудиться в отделении физиотерапии. Я застал ее. И даже в десятый, по-моему, раз уложил в неврологию: картинный обморок с угрозой незамедлительного умирания. Это у нее было обычным делом.

В приемном покое она до недавних пор, поступая, оповещала давнюю работницу, которую знала лет сорок:

- Я бывшая главный врач!

Чтобы наверняка. А то молодые сестры ее на хер посылали.

Вопрос о выживании встал остро. Не в смысле, чтобы она выжила, а в смысле, чтобы ее выжить. Начмед-академик не смел на это пойти. Он пристроил ее в отборочную комиссию. Там она, руководя процессом, ухитрялась испортить жизнь шести человекам одновременно: трем докторам и трем просителям. Пока одна заведующая не потеряла терпение и не пошла к руководству с требованием прекратить.

Пока дело решалось, бывшая первая леди творила всякие ужасы.

Положила своего 80-летнего мужа. Тот, страдая диабетом и склерозом, давно превратился в овощную культуру с умеренной биологической активностью. Лежал себе тихо, да только заботливая жена вдруг подумала, что у него рак прямой кишки.

Собственно говоря, будь оно так, это ничего не меняло бы. Ан нет, извольте засунуть трубу по самые миндалины. И посмотреть, что там и как. Интересно же.

Лечащая докторша затряслась. Наконец, она набила карманы халата преднизолоном и прочей гадостью на случай шока, перекрестилась и повезла деда в проктологию. Потом рассказывала:

"Как вставили трубу, он замер. Ну, думаю, все".

Спрашивает: "Как себя чувствуете? Иван, например, Иваныч".

А он ей жалобно: "Очень какать хочется".

Тем все и кончилось.

К тому времени административное решение созрело и тоже оформилось в привычную каловую массу. Почтенную леди попросили выметаться.

"Я не уйду", - твердо сказала та.

И тогда, впервые за всю отечественную историю, главный врач елейным голосом молвил:

"Мы просто будем возить вам зарплату на дом".

Все раньше думали, что он идиот, а вон как гениально повернулось.

Нет, люди все-таки меняются. Пусть очень медленно, пусть со скрипом, но что-то разумное и вечное одолевает их.

Продолжение

И вот она, главная врач в отставке, улеглась на кардиологию. Ничего особенного, просто легла. Надо же полежать. И еще одну докторшу-хирурга положили туда же, пока только с сердечными жалобами.

Ветеранша поинтересовалась:

- Нас что же - будут кормить или мне самой тут готовить?

Вопрос ошибочно расценили как метафорический, как саркастическое замечание в адрес кухонных услуг.

На следующий день докторшу-хирурга перевели в неврологию. Из этой самой палаты, где она лежала с главврачом. Инсульт.

Вилка

У нас больнице бывало всякое. Случалось и не очень веселое. А бывало, что черт его знает, как поступить. Вот история, с которой за давностью лет можно сорвать секретный гриф.

Лежала у меня одна тетка. Хорошая. Радикулит у нее был.

Прихожу однажды в палату и вижу, что она вся хмурая. "Что, - спрашиваю, - такое?" "Да так, - отвечает, - сон плохой приснился". И соседки ее кивают, соглашаются. Видимо, в курсе.

Ну ладно - сон, так сон.

На другой день приходит ее муж. Мы с хирургом-урологом К. сидели в ординаторской и резались в "Цивилизацию".

Муж этот весь трясся и содрогался, лицо белее белого. Вынул из-за пазухи пачку зеленых, тысяч десять там было, наверное.

"Ничего не пожалею".

Оказалось, что он, гуляя по командировкам, обзавелся сифилисом. И успел перепихнуться с супругой. А потом кое-что обнаружил у себя. И вот теперь ему нужно, чтобы мы профилактически прокололи его дорогую жену, ни слова ей не говоря. Дескать, обычное лечение радикулита по мудрому плану.

Как быть?

Просьба немыслимая. Я ведь лично никаких уколов не делал, только сестры, которые каждый день новые. Значит, надо договариваться, брать в долю. Просто так, с дуба, не назначишь же бициллин или что другое. Даже если бы я колол ее под видом новокаиновой блокады - все равно бы не вышло, сестра всегда ассистирует.

Ну, допустим, что сумел бы. Не это главное. Во-первых, неизвестно, заразилась ли она. Можно ведь и не заразиться. А во-вторых, и это уже главное, как узнать, вылечилась она или нет? Тут же специальные анализы нужны, их просто так вообще никто не делает. Без них этот чертов сифилис запросто получится приглушенным и тайным. Потом, через несколько лет, нос провалится - и привет, да еще уйма людей пострадает.

В общем, надо отказывать.

С другой стороны, заполучив такую информацию, я не имею права не отреагировать на сифилис в отделении. Это чревато. И тетке сказать нельзя. То есть можно, но свиньей быть не хочется.

"Безвыходная ситуация", - говорит уролог-хирург.

Я выбрал самый безопасный вариант. Велел мужику идти к заведующей отделением. Я буду чист, если поставлю в известность формальное руководство. Я надеялся на ее слабоумие. И не напрасно, как оказалось.

О чем они беседовали, не знаю. Видел только, как они прощались. Заведующая с ответственным, тупым и серьезным видом пожимала ему руку:

"Лечитесь! - сказала она тоном взволнованной княгини Марьи Алексевны. - Я никому не скажу".

И он ушел. А она назначила тетке кровь на RW. И результат никак еще не мог быть положительным, даже если та заразилась. Он и не был положительным. И заведующая успокоилась.

Я-то, конечно, не успокоился.

Нарисовал на истории болезни черный треугольничек, знак гепатита. На свой страх и риск. Чтобы ей все отдельно делали. И хватит.

А дальше пусть облонские разбираются сами.

Бездна

Бывает, что за мельчайшим движением лицевых мускулов скрывается целая бездна.

Собственно говоря, никакой истории не будет. Так, мимолетное впечатление, которое врезалось.

Мускулами двигал мой коллега С., очень хороший доктор. Исключительный добряк, флегматичный и мудрый циник. Это он, как я рассказывал, умел отличить бомжа сестрорецкого от бомжа зеленогорского. Он не мог объяснить, как это получается, потому что тут мастерство.

И вот однажды залез я в больничный автобус, чтобы домой ехать. Сижу. Сослуживцы подтягиваются: уролог, заведующая отделением - в общем, все хрестоматийные фигуры. А шофер включил радио, и там песню передают.

Я эту песню потом долго и безуспешно искал. В ней говорилось о двух синяках, которым не хватало на пищевую парфюмерию.

Под эту-то песню и вошел доктор С.

"У нас было два рубля и три копейки", - пожаловалось радио, разворачивая повествование.

И доктор С. изогнул бровь.

Мне, наверное, не удастся показать, какая пропасть раскрылась за этим движением. Это было магическое, алхимическое, универсальное знание на уровне Джона Ди и Николы Фламеля.

Все это мне вспомнилось почему-то в связи с космонавтикой. Затейливая ассоциация, согласен. Натянутая.

В общем, какой там Марс.

Между волком и собакой

Скорей, скорей!

Пока не восьмое марта.

Сколько же дур на свете, Господи-прости.

Прислали одну к отчиму на осмотр, неврологический. Явилась. Сама любовь. Станом стройна, поступью величава, волосом и длинна, и черна.

Челка у нее. До кончика носа.

Отчим:

- Челку-то отведите!

- Да ладно...

- Да отведите, покажите глаза-то!...

Величавое движение, исполненное неохоты. Как будто снимает чадру. Под челкой - бланш фиолетовый, циклопический абсолютно. По спектру близкий к ультрафиолету.

Наверное, кавалер тоже спешил до восьмого марта.

И я теперь догадываюсь: "час между волком и собакой" - это не те сумерки, о которых думали Пушкин и Саша Соколов. Это промежуток, "просак", между 23 февраля и 8 марта.

Между волком и собакой. Часть вторая

К отчиму пришел на прием человек с облегченным доступом в альтернативную реальность.

- Доктор, вы не подумайте, что я дурак. Я просто хочу проконсультироваться. За мной постоянно ходит собака. Она, конечно, не просто собака, а наполовину волк, помесь. Все время роет землю, выкапывает крысу и кормит ее. Да вот она и сейчас тут!

Сельдеррея

У медиков никакого цинизма нет. Цинизм есть у пациентов.

Одна вот лечилась селедкой. Привязала ее к голове и говорила, что помогает. А лежала в гинекологии.

Не один день лежала.

С бессменной селедкой.

Доктор: - А почему это пахнет так невозможно?

А потому.

Помогает потому что.

Выпадая кукушкой из аистового гнезда

Мои рассказы про родную больницу, поликлинику и хорошо знакомую Скорую Помощь могут создать впечатление, что больше нигде ничего такого не бывает.

Отчего же. В роддоме бывает.

Ну, про Леопольда я писал. Напомню: это был такой эксгибиционист, который постоянно появлялся в разломе окна дома, поставленного на капремонт - как раз напротив послеродовой палаты. И женщины все очень возмущались этим капризом природы, потому что прямо после родов им это, якобы, не слишком интересно, и прозвали его Леопольдом. На что моя матушка, там работающая, резонно возражала: зачем же вы смотрите?

Но были и другие.

Однажды ночью, например, явился человек в железной маске, ластах и с трубкой в зубах. Не курительной, разумеется. Пришел в приемное отделение.

А еще это приемное отделение много дней и недель донимал некий печальный юноша. Он звонил и умолял:

- Запеленайте меня! Запеленайте меня, пожалуйста!

Страдания молодого Вертера были неимоверны, и его, наконец, пригласили зайти.

Он тут же пришел.

Его положили на кушетку и сделали над ним пеленальные пассы. Запеленавшись, он удалился и больше не приходил, и не звонил.

Врачебная тайна

Хотите верьте - хотите нет.

У меня есть знакомая, моя ровесница, гинеколог. Хорошая (ий). А у нее есть 20-летняя дочка. И вот эта дочка подцепила где-то пиелонефрит.

Мама ей говорит сдать анализ мочи.

Дочка хлопает глазами: у меня месячные!

Мама: ну, заткнешь там - и ничего.

Дочка уже не хлопает глазами. Она их таращит в полном непонимании. Она впервые слышит о существовании влагалища.

Ей все видится в розовом свете, то есть сплошной клоакой, как у Курочки Рябы, которая несет золотые яйца от и для Золотого Петушка.

Последний, между прочим, похаживает вокруг. Ему 40 лет. Мне кажется, он должен быть в курсе.

Мама не возражает.

Прощальные гастроли

Скорая Помощь прикатила на несчастный случай.

Дедуля 89 лет упал с балкона 2 этажа.

На балконе он пел. Репетировал фронтовые песни перед выступлением в училище Фрунзе. Как это произошло, никто не знает.

Живой.

Доктор отреагировал предсказуемо, тривиально и лаконично:

- Ему пора в анатомическом театре выступать, а не во Фрунзе, там заждались уже.

Пидиатор

Вот еще про одного доктора.

Осенью 2003 года мой ребенок неприятно и непонятно захворал. Кто-то, может быть, помнит, как я утратил всякое самообладание и учинил сетевое безумие по этому поводу. Все, слава Богу, позади. Платный скорый доктор сработал оперативно, мы угодили в больницу, и там во всем разобрались. И вот уже полтора года я никак не мог нащупать причину, по которой мне этот доктор решительно не понравился.

Наконец, нащупал.

Это был, конечно, специалист, не отнимешь. Я не могу придраться ни к чему, что он делал. Дочка, когда не в духе, совсем не подарок; даже когда она здорова, мало кто может это стерпеть. Я не преувеличиваю, я точно знаю. Но доктор был отменно выдержан и добивался всего, чего хотел.

Это был пожилой лев с печальным взором. Печаль эта мне пришлась не по нутру.

Я отрекомендовался бывшим коллегой и перечислил все, чем лечил дитё.

Печальный доктор вежливо улыбнулся и тихо разгромил меня наголову. Кривя губы в почтительной, но ядовитой улыбке, он уличил меня в незнании фармокодинамики разных веществ - ну, что поделать, я многое забыл. Что ж теперь отрицать. Но это ладно, пускай.

Вкрадчивое змеюжество сохранялось в нем на протяжении всего визита.

Прощаясь, он посоветовал хорошенько запереть за ним дверь. Мы сказали, что ничего, не боимся, дверь прочная. Он, стоя на пороге, опять улыбнулся и столь же вежливо объяснил, что нашу дверь можно вынести в три минуты вместе с косяком.

За что ему великое спасибо.

Но нет, меня не это рассердило. Тогда что же? - думал я. А вот что.

Он, как обещал, отзвонился в первом часу ночи и сообщил результаты анализов. Что скажет обычный доктор клиенту с медицинским образованием? В нашем случае было бы естественно сказать: послушайте, у ребенка сильнейший лейкоцитоз; я не пойму, в чем дело, надо в больницу. Неприятно, но здраво и просто. Спасибо, поняли, едем.

Этот же начал с подробного перечисления нормы. Зачитывал нормальные показатели несколько минут, пока я пританцовывал с трубкой. А самую гадость оставил на сладкое. Возвысил голос и

врезал. И помолчал, дожидаясь моей реакции. Зная прекрасно, о чем в таких случаях думает медик, пусть и бывший.

Сука такая.

Паршивые овцы

Таких предателей, как я, на самом деле немало.

Позвонил старый знакомый. Мы с ним учились в одной школе, он был на пару классов младше, а потом вместе работали в петергофской поликлинике. Я был невропатологом, а он - окулистом. Так и развлекались, посылая друг другу клиентов с умеренно юмористическими примечаниями.

"Чем, - спрашиваю, - занимаешься?"

Развозит по области молоко с йогуртами.

Он, как и большая часть моих сослуживцев, был не без странностей.

Вступил, помнится, в ЛДПР. Во всяком случае, активно ей помогал.

Имел обыкновение в самый поганый сезон выходить в поход: сойти с одной железнодорожной ветки и через лес, болота, чащи переть до другой. Просто так.

Вот и давеча предложил мне прогуляться от станции Дибуны до Горской.

Может, оно и к лучшему, пусть молоко возит.

Оксиение

В школе и в институте я много рисовал. На лекциях и на всем остальном.

А маменька любила листать мои конспекты.

И вот однажды смотрит и не может понять, что за подпись такая к рисунку: ОКСИЕНИЕ.

Она-то привыкла, что я все по-латыни подписывал. Или подавал материал графически. Если писал, например, про какую-нибудь смертельную болезнь, то рисовал стрелочку и гроб.

А здесь я нарисовал интерьер пивного бара. Два понурых пениса вместо кранов, над ними - надписи: "гор" и "хол". Рядом - закусочный наборчик: бутылка водки.

И подпись. Икс, игрек в середине - так ей прекраснодушно почудилось.

Потом у них в роддоме все дохтура и сестры говорили: "ну, сегодня у нас просто оксиение".

С миру по нитке

Одна гинеколог замораживала больничную кашу в холодильнике и носила домой, брикетами. Мужа кормить.

- А что? - удивлялась она. - Хорошо!

Однажды она нашла на улице пакет. Другая бы пнула и пошла дальше, а этой захотелось посмотреть. В пакете оказался муляж влагалища из секс-шопа и крем.

Знаковое событие для человека ее специальности.

Она, между прочим, не сразу и поняла, что это такое.

А когда поняла, принесла на работу, всем показала.

- Мужу снесу, - привычно решила она. - Пусть играет и ко мне не лезет.

Гипердолоид

Кардиологическая бригада получила вызов: мужик зачем-то все крушит, ломает стены. Не профильный вызов, но ладно. Как-то так получилось, что поехали.

Приехали - действительно: разгром. Мужик бушует. Жалуется на соседей сверху, которые облучают его микроволновкой.

Ну, что ж.

Дежурный по городу психиатр доброжелательно разрешил буяна забрать.

- Дело житейское, - согласился он понимающе.

Мужик рассвирепел:

- Никто мне не верит! - убивался он.

И доктор притормозил. Доктор и сам не знал, что его смутило. Наверное, случай, когда клиент писал жалобы на скотный двор этажом выше - дескать, свиньи там, куры, а ему тоже никто не верил. Но потом обвалилась проссанная свиньей штукатурка, и все удостоверились.

Короче говоря, доктор отправился наверх разобраться, что и как. Позвонил, вошел.

И увидел десять микроволновок. Все они были наведены на нижнюю квартиру.

Батарею обслуживала вся семья, три человека.

- Чем это вы тут занимаетесь? - озаботился доктор.

Ему объяснили, что воюют с соседом, который напускает на них радиацию.

Пришлось перезвонить дежурному.

- Тут бригада нужна, - уточнил доктор.

Ревизия

Любопытства ради занялся ревизией своих студенческих познаний.

Грустные результаты.

Физика - 0, химия всех разновидностей - 0, оперативная хирургия - 0, акушерство и гинекология - кол, история партии - четверочка, история медицины - 0, и так далее.

Почему-то отрывочно вспоминается паразитология, хотя на кой черт она мне сдалась?

Помню африканских червяков, живущих в глазу. Необходимость их изучения я, как уже говорил, объяснял тем, что Леонид Ильич подцепил, не иначе, какую-то херню во время засоса в аэропорту. Еще помню, как нам рассказывали про каких-то гадов вроде клещей.

Рассказывала очень добрая, домашняя бабушка, похожая на старушку-сказочницу из передачи "В гостях у сказки". Она округляла глаза и понижала голос, делясь с нами страшными сведениями:

- Правильно! Они живут... в лесу! на ёжиках... хомячках... зайчиках!...

А про пауков наш грузин Каха, спеша добить улепетывающую мысль, написал очень быстро, без запятых:

"После полового акта самка поедает самца и откладывает яйцо в кокон которого она носит собой".

Палочки должны быть попендикулярны.

Еще у меня был альбом для изготовления порнографии. Дело в том, что я подолгу срисовывал с микроскопа какие-то личинки. Под микроскопом они выглядели вполне целомудренно. Зато на бумаге все казались одинаковыми пенисами, многократно пораженными сифилисом.

И где этот альбом?

Инкубы и суккубы

Оглядываясь на мою докторскую жизнь, я постоянно задаюсь вопросом: когда за мной начали увиваться бесы?

В них никогда не было недостатка, и я постоянно попадал под влияние какого-нибудь Ноздрева. Видимо, именно к этой мертвой душе у меня есть внутреннее сродство.

Но поначалу, когда я работал в поликлинике, все шло прилично, и я был вполне респектабелен. Ну, приду, бывало, не вполне свежий, но это как-то легко переносилось и не давало резонанса. А дальше я вижу себя уже в моей знаменитой больнице, и все идет совершенно неприлично. Меня давно интересовал переход: когда же эти бесы обозначились явно и стали на меня притязать?

Мне кажется, что все началось в последние недели петергофской поликлиники.

Тогда наметились знаки.

Сперва ко мне в кабинет явилась какая-то рослая медсестра, которую я прежде не видел. Карточки принесла или что-то еще. И что-то сказала, несусветное. Я поднял голову и машинально спросил: "Что вы имеете в виду?" И она ответила предсказуемо: что имею, то и введу. Старо, как мир, но я не давал повода. Это было нечто новое. Я внимательно к ней присмотрелся, но она уже ушла, а я все смотрел.

И тут же мне дали нового шофера.

Не то чтобы я ездил на вызовы с персональным шофером, они менялись, но этого раньше тоже не было, а когда он стал, меня почему-то стали исправно к нему сажать.

Это был молодой человек, мой ровесник, очень веселый и словоохотливый, крайне покладистый.

- Их всех надо трахнуть! - говорил он дружески, крутя баранку. - Я всех трахнул.

Я молчал, изумляясь придворным парамедицинским тайнам.

- Что же, - спрашивал я после паузы, - и начмеда можно трахнуть?

Меня это почему-то живо интересовало. Меня терзали неясные, опасливые желания, которые я не решался сформулировать. В начмедах у нас ходила симпатичная, но очень строгая дама немногим старше меня.

- И начмеда трахнем! - убежденно отвечал шофер.

- Я ее почти трахнул, - признавался он чуть позже.

Вот оттуда пошло все дальнейшее, с этого "трахнем" во множественном числе, будто все уже было решено и неизбежно.

- Спиртику! - позвал меня шофер в гараж.

Я не хотел спиртику, но власть шофера надо мной была неимоверной.

Мы выпили спиртику, и тут в гараж пошла та самая медсестра. Я поспешил на выход и услышал ее слова: "Почему ты не сказал мне, что здесь Смирнов?"

Я до сих пор не знаю, к добру или к худу было ее незнание.

Дело так и закончилось ничем, но это была увертюра. Мне все еще казалось неправильным пить с шофером и медсестрой в гараже.

Вскоре я уволился.

Но демоны уже поджидали меня; они заранее разделились для верности на многие, многие персоны, и караулили.

Ксенофобия

Болеть неприлично.

Потому что любая болезнь - откровенная ксенофобия.

Даже убежденные либералы не свободны от первобытного греха иммунных реакций. Любое проникновение извне немедленно объявляется враждебным. Тупые антитела ведут себя настолько агрессивно и неразборчиво, что даже стыдно как-то находиться в культурном обществе.

Попытки примирения с возбудителями сифилиса, туберкулеза и проказы, давнишними соседями по планете, выглядят неуклюжими и лицемерными.

Все это оправдывается наглым изоляционизмом и бредовыми представлениями о видовом превосходстве, естественно приводящими к бытовому расизму, воинствующему половому натурализму и прочей необоснованной спеси.

Цивилизованный человек должен быть выше пещерных биологических реакций.

Стыдно, господа. Давайте научимся жить в гармонии с миром и не раскачивать лодку.

Наследие доминиканцев

Приятель-доктор читал мне книжку: "Основы судебной медицины", Медгиз, 1938 год, под ред. проф. Попова.

Первичные признаки смерти:

"Проба Жоза: кожу схватывают клещами.

Проба Дегранжа: инъекция кипящего масла в сосок.

Проба Розе: удары по пяткам.

Стальная игла, воткнутая в тело, у живого через полчаса теряет блеск.

Введение в вену флюоресцина вызывает у живого окрашивание кожи в желтый цвет. Проба опасна для живых ввиду развития гемолиза.

Стальная или платиновая игла, вколотая в сердце, у живого будет в движении".

Раздел "Огнестрельные ранения":

"Французские авторы так характеризуют выстрел в упор: "ничего снаружи, все внутри". Это не совсем так. При наших многочисленных опытах со стрельбой из нагана в упор даже при сильном надавливании ствола вокруг пулевого отверстия получалось кольцо копоти".

Перекур

Кардиологическая бригада любит психиатров.

С ними всегда отдыхаешь душой.

Сидит дежурный психиатр на телефоне, перебирает карточки:

- Девяносто девять! Сейчас сотый будет.

Звонит телефон.

Доктор, голосом автоответчика:

- Здравствуйте. Вы - сотый клиент, обратившийся за психиатрической помощью. Вы выиграли приз. Теперь вы можете по желанию лечиться в любом психиатрическом стационаре города.

...Стоит как-то кардиологическая "скорая" возле приемного покоя 3-й больницы, мается, тоскует. Бригада курит и наблюдает, как психиатры грузят в рафик троих крикунов.

Доктор-кардиолог тычет в дверной проем:

- Эй, четвертого возьмите - вон он раком стоит, пол лижет.

Психиатры:

- Может, он чистоту любит. Нет, этого пока не отдают.

Рассказ о шести-семи повешенных

Доктор со скорой в десятый раз мне рассказывает:

- Приехали мужики в парк Сосновка. У них там год назад товарищ повесился. И вот они решили помянуть, под тем же деревом. Явились, а там уже занято: висит кто-то.

Не понимаю, чему он удивляется. Повешенные, против ожидания, выглядят довольно мирно и не возбуждают никаких сильных чувств.

Помню, я увидел двух повешенных еще курсе на первом, до перестройки. Иду в институт и краем глаза отмечаю нездоровое любопытство редких граждан. Никакой толпы, только милиционер прогуливается.

Пригляделся: висят две тетки на одном дереве, ногами почти касаются земли. По виду - бомжихи.

Совершенно заурядная обстановка, птицы поют, троллейбусы ездят.

Потом ходили разные слухи: дескать, это мать с дочкой, неблагополучные. Кто-то им угрожал, и они всюду писали письма, и даже в Смольный обращались, но там эти жалобы, видимо, причислили к злополучным нападкам на дистанционное облучение.

Хорошо волкам среди многоголосого хора об их галлюцинаторном приближении.

Я и сам пробовал вешаться лет в пять, но меня отловили и наказали.

Шор

Нет ничего хуже, чем простудиться в жаркую погоду.

Помню, такое случилось со мной в Калининграде, после четвертого курса, когда я проходил там дохтурскую практику. Ничего прохладительного я не ел, только горячительное. И все же меня разобрал такой кашель, что всем соседям по номеру пришлось плохо. Ничто мне не помогало - даже таблетки от астмы. Приходилось глушить это дело водкой. Тем более, что спирт - хороший пеногаситель, снимает отек и так далее, я это сразу усвоил на уроках терапии.

Так что я ходил в винный отдел, как на работу. Потом лежал в общежитии и слышал сквозь забытье шаги друзей. Голос за дверью:

- Тело лежало здесь?

Дверь отворяется, и все видят, что тело действительно на месте.

Кашель совпал с хирургической практикой. Ею заведовал молодой, фанатичный доктор по фамилии Шор, сын главного хирурга области. Приказал мне идти на операцию, крючки держать.

- Я кашляю, - прохрипел я озабоченно. И стал кашлять.

- Ничего не знаю, - отрезал Шор.

В операционной я зашелся в приступе раз, другой, третий. Марлевая маска судорожно втягивалась и выпячивалась. Я тупо смотрел в разрезанное мясо и кашлял.

Шор не выдержал. Он сделал мне замечание:

- Когда кашляют, надо сидеть в ординаторской, а не тащиться в операционную.

Любовь к отеческим гробам

Однажды я поехал в Москву.

Для меня было бы странно побывать в Москве и не познакомиться с московской медициной, хотя бы поверхностно. Так что я посетил Первую Градскую больницу. Там лежал, конечно, мой дядя, долеживал уже. Он попал в травматологию, будучи травмирован при загадочных обстоятельствах, которых не помнил.

В больнице я с облегчением увидел знакомую публику. Одна ультрамариновая бомжиха, выдававшая себя за учительницу английского языка, сидела, свесив ноги, на каталке и скромно рассказывала всем, кто проходил мимо, что ее в тот день проверили на весь учебник венерических болезней и ничего не нашли, примите к сведению. Потупив глаза рассказывала, якобы просто так.

Еще был бомж, к которому боялись подходить даже ему подобные, и мы тоже ушли с лестницы, где курили. Он был весь в мелких проплешинах, с корочками, а лицо - как подушка-думочка, задумчивое.

А третий бомж ограбил дядю, когда того выписывали, украл у него часы, хотя у самого были сломаны ноги и позвоночник.

Дядя, сколько я помню, постоянно соприкасался с больницами.

Отчим, помню, повел его на экскурсию в свою больницу, под Питером, показал морг. Дядя бродил среди трупов и кричал:

- Вставайте, бляди! На работу пора!

Сума и тюрьма

Место действия: подстанция Скорой Помощи.

Разгорелся ожесточенный спор. Водитель утверждал, что замести в дурдом удается далеко не каждого.

- Нет, каждого.

- Нет, не каждого!

Водитель был, конечно, не прав. Однажды его коллега, возивший психиатрическую бригаду, зашел в приемник одного такого дурдома, в туалет, и там его поймали пьяные санитары, дали ему люлей и связали. Тот знай себе вопил, что он водитель, а ему надменно отвечали, что все тут водители.

Стороны так и не примирились. Хорошо. Прошло какое-то время, и шофер о споре забыл, но его оппоненты все помнили. Наловили тараканов и покрасили спреем в зеленый цвет. Высыпали этому шоферу и ждут.

Водитель пришел в несказанный ужас. Кинулся к докторам:

- Тараканы зеленые!

Те, серьезно:

- Ну, не знаем, это не к нам. Вон психиатры стоят, иди к ним...

Междометие

Поступила жалоба. Больной пожаловался на доктора, который его оперировал под местным наркозом.

Ему не понравилось, что доктор, сделав разрез, сказал "упс".

Смычка

Я уже давно ничего не вспоминал из моей бедной на выдумку биографию. Все, что дозволено внутренней цензурой, я написал; осталось то, что нельзя. Но имеются и пограничные случаи, которые можно, скрепя сердце, предать огласке. Вот, например, история болезненной смычки медицины с милицией.

Я всегда вспоминаю в связи с этим сцену из фильма "Город принял". Милиция встречается на пустынном ночном перекрестке со скорой помощью, и скорая помощь забирает у милиции роженицу, якобы случайно там оказавшуюся. Дескать, одно дело делаем, обеспечиваем преемственность.

Ну, это еще вопрос: какое они такое делают дело, что получилась роженица, да еще попала в милицию. Замнем.

Но вот с невропатологами таких трогательных вещей не бывает. То, что им передает милиция в структуре преемственности, напоминает не о рождении новой жизни, а об окончании старой, причем загубленной. Вообще, клиенты частенько бывают общие, удовлетворяющие обе службы.

Все это, впрочем, мало чем связано с моим воспоминанием.

Лет десять назад побывал я в гостях. Я ведь прекрасно знал, что мне на следующий день дежурить в больнице и в гости нельзя, но все равно пошел. Обидно, что и гости-то не запомнились. Помню, что сел, уходя, в какой-то не мой трамвай и приехал на Васильевский остров. Помню, что поздно ночью вернулся домой на такси, да слишком рано вышел из машины, заблудился в собственном дворе, упал, содрал на запястьях кожу. Спал часа три и отправился на работу весь возбужденный и благоухающий. Я еще не знал, что в нашей больнице такое если и не в порядке вещей, то, по крайней мере, обыденное явление.

И вот сижу я на работе, времени уже пять часов вечера, и я немного пришел в себя. Стараюсь припомнить подробности вчерашнего и вдруг леденею. По-моему, в "Дневнике провинциала в Петербурге", у Щедрина, есть замечательный пассаж. Человек просыпается в участке без штанов. И, пока к нему не приходит местная власть, в ужасе пересчитывает все смертные грехи, загибая пальцы. Уверенный твердо, что совершил их все до единого. Но полицейский успокаивает его: мол, ничего - никого не убил и не ограбил, а "просто шлялся в непотребном виде по городу".

Меня ужалила мысль: не побывал ли я в милиции, на Васильевском-то острове? Такое славное место. Подтянул к себе Желтые Страницы, нашел василеостровскую милицию, начал

звонить. А там ведь не одно отделение, а несколько. Что я, - казню себя, - дурью маюсь?

На третьем звонке слышу радостный голос:

- Да! Были вы у нас!

Вот вам и лубочная смычка медицины с милицией. Я думал, он меня поймет, как дежурный дежурного. Ничего подобного.

Потом уже я припомнил эпизод: сижу на какой-то скамье, а рядом - неопределенная баба без формы и возраста, только с запахом.

- Ты что, - спрашивает, - убил?

- Нет, - отвечаю.

- А я убила.

Петров день

На Скорую Помощь пришел новичок, молодой доктор.

Он еще не знал, что на подстанции орудует банда Петровых. Это были доктора, три или четыре штуки, но не родственники, а просто однофамильцы. Они творили ужасные дела, а один, самый страшный, пил, и новый доктор попал к нему в бригаду, стажироваться.

...Машина мчалась по городу.

Доктор Петров, сидевший впереди, развернулся вполоборота. В руке он держал украденную пивную кружку, наполненную дареным мартини.

- Ну, со знакомством! - воскликнул доктор и выпил почти до дна. Остатки протянул новичку. Тот отказался, и доктор допил.

Потом отнял у новенького чемоданчик, отобрал спирт со словами:

- Это мне. Жопу будешь протирать эуфиллином.

Под конвоем заботы (простите меня, Генрих Белль)

В молодости я был исключительно заботливым и внимательным доктором. Забывая о принципе "не навреди".

До всего-то мне было дело, ничто не могло укрыться от моего зоркого взгляда.

В далеком петергофском периоде я работал сразу в поликлинике и больнице. Они примыкали друг к другу. Очень удобно: направил кого-нибудь, а потом сам же и принимаешь, и лечишь.

Я укладывал всех подряд, искренне желая людям добра. И начинал докапываться до истины.

Помню, ходили ко мне крепкие мужички, две штуки. Жаловались на радикулит. Друг друга они не знали, но я их сделал соседями по палате, уложил. И приучил быть крайне внимательными к своему здоровью. Мурыжил их очень долго, и они как-то нехорошо спелись, боготворя меня и всячески превознося.

Назначил им рентген позвоночника, поясничного отдела. С клизмой и так далее, чтобы все было замечательно видно. Прихожу утром:

- Как наши дела?

Они стоят чуть ли не в обнимку, с энтузиазмом кивают:

- Моем прямую кишку, доктор!

- О, - говорю, - это интеллектуальное занятие.

- Да! - восклицают они. - Очень, очень!

И тут я подумал, что они, пожалуй, нашли и обрели друг друга. Благодаря мне. А ведь были семейные люди.

Ангелы и демоны

В больнице, где завершился мой медицинский путь, случались тягостные утренние недомогания. У многих. И я, конечно, не был исключением.

Для поправки здоровья можно было посетить либо демонов, либо ангелов.

Ярким представителем первых был заведующий лечебной физкультурой. Он всегда был готов удружить, но, поправив здоровье, всегда стремился погубить его снова с причинением ущерба окружающим. Вел себя вызывающе и всех подавлял своей измененной личностью.

У него довольно долго хранился коньяк, литров десять. Кто-то поблагодарил за лечение аппаратом, на который у физкультурника было некоторое ноу-хау. Аппарат представлял собой фрагмент самоходной дорожки, на который надо было лечь животом и приготовиться к массажу. Физкультурник наступал на какую-то педаль, и дорожка начинала отчаянно вибрировать.

- Попробуй, - приглашал физкультурник. - Через десять минут - изумительный стул, непрерывный.

И вот я стучался в дверь, а физкультурник приотворял ее и коротко говорил: "Погоди". В щелочку я видел клиента, сотрясаемого аппаратом. Потом дверь отворялась со словами "Заходи".

Коньяк был приличный, но физкультурника я побаивался. Совсем другое дело - доктор С., заведующий содружественным нервным отделением. Добрый, миролюбивый, переполненный философией благожелательного цинизма. Он относился к ангелам. У него хранились напитки, отобранные у больных накануне вечером, перед сном.

Утром, когда больные извинялись, доктор С. морщился и отмахивался:

- Только не говорите мне, что полоскали рот настойкой овса.

Однажды я пришел к нему, чувствуя себя исключительно плохо.

- У меня есть, - нерешительно признался доктор С. - Но я вам не советую.

И показал трофей. Это была густоватая жидкость с зеленоватым отливом, в початой водочной бутылке. Было так страшно, что я пересилил себя и отказался.

Но через полчаса вернулся и согласился.

Оказалось, опоздал. Жидкость уже выпил физкультурник, у которого кончился коньяк.

Скафандр

Однажды наша больница послала делегацию на медицинскую выставку в Гавани.

В числе прочего там показывали чудо-скафандр. Это было устройство для виртуализации реальности. Внутри можно сколько угодно воображать себя стоячим, ходячим, веселючим и вообще сверхчеловеком.

Наш начмед, академик реабилитации, ах задохнулся возле этого скафандра. Его сразу перестало интересовать все прочее, нужное больнице позарез: термошкаф, утятница, градусники. Он хотел одного: скафандра.

- Нам бы такой, - шептал он, ходя кругами.

Скафандр стоил сорок тысяч долларов. Или двадцать. Неважно.

Академика тронули за рукав.

- Пойдемте, - сказали ему соболезнующе.

- Пойдемте-пойдемте, - повторили ему еще раз, уводя от греха подальше, под руку.

Потому как ясно, что если бы он даже выбил грант под скафандр, больше одной штуки ему бы никто не разрешил купить.

И на скафандр образовалась бы очередь.

Все доктора поседели бы вмиг и полысели, потому что в скафандр захотели бы решительно все - особенно те, кому он ни к чему. Женщины с неустроенным личным климаксом, ветераны партии, родственники вспомогательного персонала и сам вспомогательный персонал.

Посыпались бы жалобы, начались бы обиды.

Направление в скафандр выдавал бы главврач, за тремя печатями от заместителей.

Фантазии в скафандре приводили бы к дальнейшей инвалидизации по возвращении в реальность.

Наконец, в скафандр залез бы с пьяных глаз наш лечебный физкультурник и уехал в нем на родную планету.

Вообще, сломали бы сразу. Чего я тут разоряюсь.

Профессор Лапотников

Повстречал в метро своего декана.

Обнялись и чуть не прослезились.

Почему-то про всякую сволочь мне всегда есть, что написать, а вот о человеке редкой доброты - не получается. Слова прячутся.

Он теперь профессор эндокринологии, седой совершенно.

Наш декан никогда и никому не сделал ни одной гадости. Ни на кого не повысил голос. Не отличился ни единой придурью. Это исключительная фигура. Виктор Александрович Лапотников его зовут.

Научная работа

Я еще только-только устроился работать в больницу.

Сидел в кабинете и скучал. Точнее, отдыхал и радовался тому, что все так спокойно и безоблачно. Я был готов послужить здоровью и долголетию. Не так, чтобы порвать себе полые органы, но готов.

- К вам придет профессор, - сказала мне докторша, со мной трудившаяся. Она это таким тоном сказала, что я понял: шутки кончились.

- Зачем? - спросил я.

- Познакомиться.

И вот, на пике моих медицинских грез, дверь распахнулась и быстро вошел профессор.

Сожалея о надобности представиться, он представился и затих. Я почтительно назвал себя.

- Отлично, - с облегчением вздохнул профессор и уселся в кресло. - Расскажите, пожалуйста, о себе.

Он был очень и очень педантичный, наш профессор, военной породы, въедливый и дотошный. Слова из него вылетали идеально округлыми, одно к одному. Сухопарый, невысокий, не склонный к улыбкам, любитель потирать руки.

Я рассказал, что учился и женился. Родился.

- Так, так, - одобрительно кивал профессор. Веки его были полуопущены.

Мой рассказ был краток. Я замолчал.

Профессор сидел и переваривал услышанное.

- Хорошо! - вскинулся он. - И как - вы готовы заниматься научной работой?

- Разумеется, - ответил я. - Введите меня в курс дела, и я готов приступить.

- Замечательно, - согласился профессор, встал, пожал мне руку и вышел.

Больше он к этой теме не возвращался.

Хромосомы

Холст, масло, рамка, кисти: лаборатория диагностики заболеваний плода при институте акушерства и гинекологии.

Тишина. Рабочий день.

Микроскопы, пробирки, предметные стекла. Общая занятость, легкая сосредоточенность. Бьется муха. В коридоре - чьи-то гулкие шаги.

Внезапный вопль:

- Дауна нашли! Дауна!

Суетливое оживление. Все бегают, заглядывают, хлопают друг друга по спине, недоверчиво улыбаются, пожимают друг другу руки.

Тревога

Однажды ловили фельдшера.

Фельдшер, сотрудник Скорой Помощи, чем-то ширнулся и встал в детской больнице раком. Ползал и кусал ходячих за ноги.

Позвонили на станцию:

- Ваш фельдшер ведет себя странно. Интересно даже...

- А ну его в жопу, вызывайте ЛКС.

Фельдшер, почуяв неладное, сбежал в машину и уехал. Ловили его до утра. Шоферу же что, ему все равно, куда ехать и где ездить.

Ложный вызов

Один субъект ужасно боялся докторов. Боялся до того, что даже сам себе рвал зубы, плоскогубцами. Но вот случился с ним инсульт, и тут уж ничего не попишешь.

Приехала Скорая и видит, что дело плохо. Больной даже не выговаривает слово "пизда". После укола, однако, ему стало лучше, и он повторил отчетливо.

Оставили его под наблюдение невропатолога. Тот явился, назначил логопеда.

Когда логопед пришел, пациент послал его на хуй.

Логопед негодовал:

- Зачем меня звали? Он все хорошо говорит.

Поэтическими бульварами

Звонит мне приятель со Скорой: одолжи пару тысяч. Я, говорит, должен послезавтра прийти домой очень усталый, измудоханный, и сказать жене, что был на халтуре. И показать две штуки в доказательство.

Ну, я не дал. Нету.

Он, конечно, не обиделся.

Веселый, радостный! Начал рассказывать всякое.

И вот, стало быть, едет Скорая Помощь. Обычно я начинаю так: "Скорая Помощь приехала..." - а тут она еще вовсю едет.

Доктор и фельдшер сочиняют стихи, потому что если с другом вышел в путь, то веселей дорога. Фельдшер строчку - и доктор строчку. Буриме в духе импровизации из "Египетских ночей".

Кому-то где-то плохо, и вот спасение мчится.

Фельдшер:

- На углу стоит аптека!

Доктор:

- У аптеки - два окна!

Фельдшер:

- Задавило человека!

Доктор:

- Много вылилось говна!

Дальше - хором, два раза.

Солнцеворот

Я очень люблю магнитные бури, я благодарен им.

Мне приятны разнообразные возмущения на Солнце и выброс протуберанцев.

В работе я бывал близок к тому, чтобы поклоняться Солнцу - с оттенком уважительной благодарности, в отличие от моих пациентов, которые больше склонялись к смиренному трепету.

Я ни разу в жизни не ощутил на себе ни одной солнечной бури.

Зато многие люди, которых я пользовал - почему-то преимущественно женщины зрелого возраста - ощущали их все до последней. Мужчин беспокоили другие, внутренние бури, рядом с которыми любой электромагнитный импульс покажется далеким бибиканьем.

Когда население оповещали о солнечной угрозе - по радио, телевизору, разве что не воем сирен, - я знал, что вся палата будет сетовать на магнитную бурю. И, что особенно приятно, не искать от нее спасения, потому что она же солнечная, а на Солнце анальгин не пошлешь. Просто мимоходом извещать:

- Я сегодня себя ужасно чувствую. Передавали, что будет сильнейшая магнитная буря.

И я сочувственно кивал, разводя руками. Ничего не поделаешь.

Иногда самочувствие бывало хреновое, а бури не было. Тогда приходилось вызывать ее самостоятельно:

- Доктор, у меня тяжелая голова.

Я начинал беспокоиться:

- Наверное, это магнитная буря. Вы разве не слышали?

Нет, не слышала. Но непременно услышит - не по радио, так на лавочке.

Мемориал

Когда я работал в поликлинике, я вел своего рода дембельский календарь.

Вообще, я существо домашнее и очень расположен вести на чужбине подобные записи. Такой календарик был у меня и в колхозе, и на практике, и на сборах.

Но в поликлинике он получился особенный.

Я ведь ужасно не хотел идти работать в поликлинику. Она находилась в Петергофе, а это далеко. Я таскался в горздрав и ныл там, твердя одно и то же. На что лощеный чин отвечал мне, что сам он, дескать, отдал Родине пятнадцать лет - и я отдам, три. Тогда еще существовало такое дело, как распределение. И чин самоотождествлялся с Родиной, которой я должен был какие-то годы, неизвестно за что.

Я даже пошел в военкомат и попросил призвать меня на сборы, чем крайне там всех удивил. Расчет был наивен: я где-нибудь отсижусь, а работать в Петергофе будет некому, и туда сошлют кого-нибудь другого. Не тут-то было. Военкомат, когда не надо, ведет себя возмутительно-бесхребетно. И петергофский райздравотдел меня отвоевал.

Дошло до того, что в мой почтовый ящик стали бросать бумажки с угрозами обратиться в прокуратуру, если я немедленно не выйду на работу. Не то, чтобы я испугался этих писем - просто понял, что альтернативы не будет. И, вздохнув тяжело, поехал в Петергоф.

Там я располагал тремя печатями: личной, для рецептов; штемпелем "невропатолог" и еще одной канцелярской хреновиной, со сменными резиновыми датами. В первые же дни, скучая, я пропечатал этим штемпелем дату в специальной тетради, куда записывал глупости, которые говорили больные люди. Так и повелось: прихожу на работу - ставлю штамп. Для себя. Проживаю подневольные годы, количеством три.

Впоследствии это вошло в навязчивую привычку. И календарь усложнился: я начал ставить звездочки против дней, когда приходил с тяжелого бодуна.

Звездочки появлялись все чаще. В 91 году их было уже намного больше, чем в 88.

А потом я поступил в ординатуру и перестал считать бодуны.

Зато за дело взялась моя покойная бабушка. Она зачем-то нарисовала от руки собственный календарь, в котором перечеркивала крестиками дни, когда я особенно отличался.

Помню, приехал однажды в гости мой дядя. Мы отметили

встречу, а потом пошли к бабушкиному календарю и понаставили там крестов видимо-невидимо, все дни перечеркнули в прошлом и будущем, да еще нарисовали восклицательные знаки.

Летуны и ползуны

Рожденный ползать летать не только не может, но и не должен.

Ехали мы как-то на работу, в больницу. Электричкой.

Унылая и постылая дорога.

Мы с урологом сидели напротив добрейшего невропатолога С. и его жены.

Уролог порхал, уролог плескал руками. Он подпрыгивал демоническим бесом - обольщал жену товарища уже без желания, без надежды, понарошку, по причине глубоко въевшегося порока. Жена С. смотрела на него с брезгливой жалостью.

Но тот не унимался и не умолкал на секунду.

С., сдержанно улыбаясь в бороду, помалкивал. Ему было не угнаться за урологом.

И вдруг он ожил, он надумал ввернуть словцо. Как маленький мальчик из интеллигентной семьи, который впервые в жизни, набравшись храбрости и умирая от страха, называет соседа по песочнице жопой.

Ему хотелось что-нибудь этакое отчебучить.

Повисла недолгая пауза, и С. ей воспользовался. Он расплылся в улыбке и выпалил:

- Наши жены - ружья заряжёны!

И замолчал.

А до этого уролог рассказывал о чем-то крайне непристойном.

Жена посмотрела на С. с отвращением. Уролог восхищенно захохотал, колотя себя ладонями по коленям.

Вот и правильно говорят: не садись не в свои сани.

С. так и молчал, а уролог никак не мог успокоиться.

Он и на работе продолжал в том же духе: ухватил нашу медсестру за задницу и вкрадчиво спросил:

- Галина Николаевна, вы ведь возьмете у меня минет?

Та смеялась и кокетливо уворачивалась:

- Перестаньте, перестаньте!..

Госпиталь

Вздремнул.

Приснился сон-мультфильм "Госпиталь".

В нем домашние животные лечили своего захворавшего хозяина. Дали ему какие-то порошки, он ожил, встал и радостно сделал два шага. Тут у него выросли зеленые горбы: пошире - на спине и поуже - на груди. Он прошел еще несколько шагов и весь сморщился, увял, как будто его замариновали, и зеленые горбы набрякли.

Звери сказали:

"Как огурчик".

Мешок "АМБУ"

Скорая помощь, наркоман, клиническая смерть. Обсадился и не дошел двух шагов до квартиры.

Мама, стоя над мертвым на лестнице:

- Мне на работу, так что вы, если куда повезете его, оставите записочку, ладно?

- Э, нет, - возразил опытный доктор. - Ты мне сначала найди какой-нибудь ремень, а потом уж иди.

Нашла, убежала.

Ну, доктор стукнул клиента током, затолкал в горло трубку, перевел на искусственную вентиляцию легких. А руки-то связал, и не зря. Видит: больной постепенно приходит в себя! начинает браниться, пытается избавиться от трубки, вывернуться, распутаться, развязать драку... Ну, доктор и отключил аппарат.

Рассказывает:

"Он хуяк - и отъехал. Я снова подключился и спрашиваю: ну, чего? Будешь тихо лежать?"

Тот кивает: буду. Доктор пустил кислород: моргнешь, говорит, когда хватит. Тот моргнул, и доктор повез его на двенадцати литрах в Институт Скорой Помощи. А там был ремонт, так что каталку пришлось катить далеко. Доктор не хотел возиться с аппаратом, что-то там отключил и сунул мешок "АМБУ" клиенту в руки. Ну, качают этим мешком, воздух-кислород, а "АМБУ" это фирма.

- Качай, - говорит. - Руки тебе развяжу, дыши сам.

Так и поехали. Клиент сидит на каталке и качает: жить-то хочется. Приехали в реанимацию, и доктор докладывает коллегам с порога: кома.

Те присмотрелись:

- Какая кома, ты охуел? Он же сидит!

Присмотрелись дальше:

- Да он еще и дышит там чего-то сам, мешком! Ты шутки с нами шутишь?

Доктор небрежно улыбается:

- Ты у него мешок отними и посмотри.

Отняли мешок, и клиент брякнулся. Вернули мешок.

Так и пошел дальше, в реанимацию, своими ножками, качая мешок.

Белый вертолет

Я принципиально не смотрю всякие глупости, вроде сериалов "Скорая помощь" или "Неотложка".

Они вредные, их надо запретить.

Одна особа, лет 50, прямо-таки извела все 03. Она кричала, что умирает, и требовала доктора на белом вертолете.

Дежурный психиатр выслал бригаду, и заявительница приземлилась в четвертой психбольнице, прочно.

Этот психиатр был вообще чувства юмора. Разговаривая с клиентами по телефону, он постоянно приговаривал: "Ой, бля".

Его любимая фраза была: а от водки лечился?

Больше от него ничего не добиться.

Чип и Дейл спешат на помощь

Была на Скорой одна докторша - совсем не в себе, плохая. Ощущала себя Большой Матерью из категории "я отвечаю за все". Спасала человечество. Ее было хлебом не корми, только дай кого-нибудь спасти.

Например, реанимировала клиентов прямо-таки исступленно, со сладострастным трудовым потоотделением. Был случай: приехала она на квартиру. Стала делать искусственное дыхание. Процесс требует некоторых затрат. Сняла халат, потом - блузку. И к финалу осталась сидеть на клиенте верхом, в одних трусах, дело мастера боится.

А однажды поехала в порт. Там зазимовали две баржи, вмерзли прямо. На первой бухали, а на второй уже нет, там какой-то матрос с перепою стал задыхаться. И трапа нет, чтобы с одной баржи перейти на другую.

Но докторша полезла и провалилась между баржами, пробила лед. Синтепоновая куртка не дала ей сразу утонуть, стала барахтаться. Тут на помощь кликнули фельдшера, алкаша с вялотекущей шизофренией. Размотали какой-то канат, а тот оказался коротким, так вот этого фельдшера привязали к канату и стали забрасывать, как удочку, чтобы он выудил докторшу.

Уронили обоих.

Вытащили при помощи МЧС, напоили чаем и водкой. Переодели: отобрали всю одежду и дали взамен по тельняшке до пят. Вот они забрали задыхавшегося матроса и повезли в больницу.

Вторая фельдшерица, при том присутствовавшая, рассказывала:

- Я к ним и не подходила, ну их на хуй.

Они так и вкатили в больницу каталку с перепившим матросом: оба в тельняшках до полу. Все взялись за телефоны: что еще такое? Позвонили, куда надо, но там сказали: пускай. Все это сошло, огласки не было.

Летом докторша полезла в обвалившиеся строительные леса, спасать гастарбайтера, застрявшего на четвертом этаже. Заведующая станцией Скорой Помощи кричала ей после:

- Еще раз сделаете такую хуйню - уволю!..

Это подействовало. Когда из окна какого-то этажа вывалился очередной икар и зацепился за что-то на уровне четвертого, она уже не полезла сама, а вызвала МЧС. МЧС хотело все сделать красиво. Можно было подняться на третий этаж и подхватить икара оттуда. Но надо было красиво, с тросами. Спустили тросы,

подцепили и уронили. С концами, вечная память.

Нотабене

Вот даже не история, а мелкое наблюдение. Многих оно заставит недоуменно пожать плечами. Но тот, кто почует жуткую бездну, пусть берет с полки пирожок.

В нашем отделении вели журнал выписки.

Это была обычная амбарная книга для удобства и ориентации в перемене слагаемых. Сумма все равно не менялась. Этот журнал даже не числился в реестре медицинской документации, никто его никогда не проверял и не вменял в обязанность заводить. Он служил - ну, не знаю: блокнотом, органайзером или чем-то еще. Чтобы доктор и сестры знали, кто когда идет на выписку. Подготовили документы, транспорт и так далее. Я, например, назначал дату выписки еще при поступлении, мне это было очень приятно делать. Я вспоминал при этом, что все когда-нибудь закончится.

Старшая сестра потом переписывает, подает сведения на пищеблок. В общем, рутина.

Так вот. Бывали экстренные выписки, довольно часто. Пришел на работу, весь сияешь, но тут тебе докладывают о ночном поведении, скажем, двадцать шестой палаты, и она вся отправляется на дембель. И садишься их выписывать.

Вообразите: страница за страницей, страница за страницей, месяц за месяцем, год за годом. Фамилия и число - всё. Больше ничего.

Никаких пояснений не нужно.

Никто их и не писал. Все прекрасно знали, кого и почему.

Но у старшей сестры иногда что-то щелкало в голове.

И вот листаешь, листаешь, и вдруг видишь запись, сделанную ее рукой. Один, среди сотен подобных, отмечен. Ни для кого, ни для чего. Никто не просил. Никто не велел.

Дано пояснение: "за пьянство".

Уставишься - и сразу оледенеешь, примерив эмоции нашей старшей сестры: неудовлетворенность до примечания и тихая сатурация - после. Бездна разверзлась. Кто не прочувствовал - моя вина, не донес, плохо написал, непонятно.

Эпидемиологический прецедент

Однажды наш уролог загремел из-за беляшей в инфекционную больницу. Его угостил верный товарищ, хирург Кумаринсон, с которым они изображали специальных мусульмано-иудейских врачей и промышляли обрезанием.

Кумаринсон купил беляши и подарил урологу.

У того разразился понос длиною в жизнь. Выйдя из больницы, он не переставал восхищаться персональным ночным горшком, который ему выдали - с личным номером и даже, по-моему, с фамилией.

Но до того все недоумевали, куда вдруг подевался уролог.

Я рассказал сестрам, и они захохотали:

- В носках своих, что ли, Кумаринсон ему беляши принес?

Холера и Doom

Противохолерные учения случались у нас приблизительно раз в год.

Доктора, можно сказать, блаженно небожительствовали, потому что основная ответственность падала на сестер.

Противохолерные мероприятия чрезвычайно сложны, они выливаются в замысловатое противохолерное поведение, подлежащее доведению до автоматизма.

Все это очень напоминает Doom с его уровнями и препятствиями, тогда как докторам по чину показаны не стрелялки, а стратегии.

Здесь мало системы боксов с хитро расположенными дверями. Надо соблюдать строгую последовательность действий, которой я, конечно, не то что не помню, но и когда и не знал - как и в Doom'е. Меня убивали сразу.

Вошел, снял одно, надел другое, сверху - третье; шагнул, третье снял, бросил в таз с ядовитым раствором; проконтактировал с фекалиями, снял первое и второе, напялил третье, два шага вправо, четыре влево; переменил ядовитую жидкость единожды или дважды, вернулся, проконтактировал с фекалиями, снял третье, натянул четвертое; пятясь задом, вышел из игры.

Никто не проходил эту игру с первого раза.

Проигравшим доставался бонус.

Проблема

Скорая Помощь приехала по случаю самоубийства.

Виновник торжества был настырен в своем желании. Сначала он перерезал себе вены. Не помогло.

Тогда он решил повеситься. Порвалась веревка, и глотка тоже порвалась, но все остальное уцелело.

Прыгнул из окна девятого этажа, сломал руку.

- Какие проблемы? - допытывался доктор.

Хрип:

- Да, проблемы, проблемы у меня.

- Какие?..

- Кабачки не могу есть.

- Почему??..

- Боюсь подавиться.

Репрезентативная выборка

Однажды мы дома долго и оживленно беседовали о сумасшедших домах.

Я вижу, что в обществе бытуют не вполне правильные представления об этих местах. Многие рисуют себе такие дома почти достоверно, но несколько перегибают палку. Выносят впечатления, в основном, из достаточно правдоподобных фильмов, где и атмосфера вроде передается, и дело поставлено на широкую ногу. Одна беда: в этих фильмах показаны сплошные психи. Бродят, в себе замкнувшись; рубят руками воздух, воют, визжат, бросаются на персонал с безумными мыслями, пророчествуют.

На самом деле население обычного дурдома мало чем отличается от населения трамвая. Встречаешь все те же лица, те же беседы, разве что носители чуть поспокойнее. Смотрят с некоторой опаской, непривычно для себя сконфужены, чуть взъерошены, прибиты. Никто ни на кого не кидается, никто не величает себя императором. Представлен, главным образом, абстинентный синдром с делирием или без. Консультировать эту публику было легко и приятно, потому что я всем подряд выставлял алкогольное поражение нервной системы, не глядя. И ни разу не ошибся, я думаю. Просто забирал истории болезни и вписывал стандартную пару строк.

Я, конечно, не касаюсь вузовских клиник, где контингент отличается от трамвайного настолько же, насколько отличны от простых смертных постояльцы vip-заведений. Так что их бред величия становится в чем-то оправданным.

Там-то и собраны императоры, князья и прочие государственные деятели. То есть в целом общество отражено достаточно адекватно: отравленный базис и декадентствующая надстройка.

Бывает, конечно, что и непростого человека занесет в клоаку. Может же приличный господин с претензиями заблудиться и попасть в рабочий район. Если повезет, то можете, когда окажетесь, услышать: "Я Сталин, но не тот, который Джугашвили, а который Коба!"

Я с удовольствием слушал вывод: "...мОлодежь!... будьте маниакально-депрессивными!..."

Академик Углов

Вчера вспоминали академика Углова.

Этому святому и непорочному человеку стукнуло сто лет, но он еще как будто числится на работе и, я думаю, как никогда тверд в своих человеколюбивых представлениях.

В моем выпускном альбоме красуется его фотография, и кажется, будто академик только что сожрал тюбик зубной пасты. Но мне не повезло, за годы учебы я ни разу не видел его вживую.

А ведь его идеи вполне могли восторжествовать, не развали собака-Горбачев великое государство. В 1984 году, осенью, я впервые услышал в записи антиалкогольную лекцию, которую читал один из его подручных. Советская диета, исключавшая живую речь, была настолько строга, что я сидел и слушал эти откровения с разинутым ртом. Я пришел к своей приятельнице, предполагая, что мы сейчас же, по нашему обыкновению, начнем выпивать и не закусывать. Да только она наотрез отказалась пить, а мне позволила - со зловещими словами: пей, пей. И включила запись. Я, конечно, ничего после этого пить не стал и был совершенно загипнотизирован оратором. Мне стало ясно, что над народом нависла чудовищная опасность, подпитываемая из-за рубежа.

Подруга мрачно сообщила, что лектор даже ходил к Соломенцеву и был обласкан. Это сейчас никто не знает про Соломенцева, а тогда казалось немыслимым, чтобы кто-то к нему пришел, не говоря уж о том, чтобы тот кого-нибудь обласкал и вообще оказался человеческим существом.

Природа не терпит таких противоестественных ласк. Позднее я слышал, что этого скорохода все-таки подстерегли и убили.

Крайне возбужденный, я вернулся домой и объявил родителям, что с этого момента в нашей отдельно взятой квартире устанавливается трезвость. И потребовал вылить в сортир весь алкоголь, который в баре застыл от ужаса. Преимущественно коньяк, подаренный отчиму благодарными пациентами. Родители осторожно одобрили мой пафос, предложили мне немного успокоиться и подумать, так что через пару дней я пошел на известные уступки.

Потом я прочитал бестселлер Углова, который не иначе, как в обстановке мучительной трезвости напечатали в "Роман-газете". И слог академика поколебал меня в антиалкогольной настроенности. Я почуял неладное.

Вчера матушка говорила, что он был старый еще в ее молодости. И был уже тогда одержим разными идеями.

Например, мечтал брать со всех студентов-медиков расписку: не курить и не жениться на полных женщинах. Полные женщины неполноценны, говорил академик. В смысле - нездоровы. И рожают кого попало. А худеть они боятся, потому что считают, будто мужчины предпочитают осязать полноту.

И вот, во избежание национального вырождения, он хочет расписок.

Проживи Союз еще лет десять - мечты, глядишь, и сбылись бы.

Явное становится тайным

Быть хроническим пессимистом противно. Решил-таки позвонить приятелю со Скорой, узнать про ситуацию в первичном звене. Как там воспринимают президентскую добавку.

Воспринимают оживленно. Милые дамы, заткните уши. Приятель ответил так: "Нас собрали и сказали: хуй! Прибавка будет, но больше вы получать не будете!"

Ну и еще кое-что, как водится, рассказал, из новейшей истории.

Привозят в реанимацию тетку. Тетка вся плохая, на все согласная. Дала себя заинтубировать без звука.

Невропатолог чешет репу:

- Что за херня? Сахар нормальный, травм нету... Надо ее в реанимацию, понаблюдать.

Реаниматолог:

- Не, ну ее на хер! В отделение. Вон, она дышит сама.

Скорая:

- Дышит-то через трубку. В отделении какой-нибудь дурак пойдет мимо и выдернет.

Реаниматолог:

- Ну, давай я ей трубки через нос пропущу. И кончики обрежу у ноздрей, ничего не будет видно.

Корабельные новости

Психиатр, сидевший на телефоне, захотел в магазин. Попросил моего приятеля: "Посиди тут, я скоро приду". Нет вопросов, всегда пожалуйста.

Звонок.

- Але! Але! Это с сухогруза звонят!

- Слушаю внимательно.

- Мы тут на ремонт встали. У нас капитан сошел с ума. Взял пожарный топор и рубит палубу. Говорит, что в трюме дети тонут.

Дело житейское. Деловито:

- Давно на ремонте стоите?

- Да уже два месяца!

- А капитан сколько времени пьет?

- Два месяца и пьет, что за дурацкие вопросы.

Ну, все понятно.

- Давай адрес, где вы стоите.

- Да в Лиссабоне, еб твою мать!.. Я звоню узнать, что делать!

Звонок был по сотовому.

- А фельдшер у вас есть?

- Да он ушел куда-то неделю назад.

- Ну, я не знаю. Сдайте капитана в португальский дурдом.

- Ты что, охуел? Как же мы без капитана вернемся?

Ну, решили проблему кое-как.

- Есть у вас умелец, в вену колоть?

Нашелся.

- Возьмите в аптеке релашку и колите его три дня. Как проснется, сразу снова вырубайте.

Крупная рыба

Санаторий "Черная Речка", реабилитация сердечно-сосудистого люда.

Временно утраченные функции восстанавливаются в полном объеме.

Один постоялец с приличной динамикой отправился удить рыбу, выпил на берегу бутылку водки на березовых бруньках.

Ударился в камни лицом, умер. Удочка в руке, поплавок дергается хронически.

Доктор, на месте происшествия:

- Небось, крупная рыба попалась. Дернулась, свалила и убила.

Потянул леску, вытащил окунька с палец величиной.

Выпустил, потому что - Скорая Помощь, не зря же приехали жизнь спасать. Был такой мультфильм про ослика, который хотел спасти дедушку-осла от рыбы, а спас рыбу от дедушки.

Трость

Попадаются люди, которые с болезнью ничего для себя не теряют и не приобретают.

Им вроде и посочувствуешь, а потом пожимаешь плечами. И вроде бы они не такие уж равнодушные, и не самые тупые, и беспокоятся в меру - а все как-то оно не так, без огня.

Лежала у меня одна.

Тетка такая, рыхлая, лет пятидесяти.

У нее болела и слабела нога. Ну, не очень сильно болела и не очень шибко слабела. Из всех бумаг у нее была только маловразумительная грамота из 3-й больницы, прославившейся своим творческим подходом к действительности. Там, судя по скупым фразам, с теткой не особенно церемонились: разрезали спину на предмет неизлечимого радикулита, отпилили зачем-то маленький, ни на что не влияющий кусок хребта и зашили снова, без объяснений.

А сама тетка не очень-то внятно рассказывала про свои беды. Заболела она то ли пять лет назад, то ли пятнадцать. После операции стало не то лучше, не то хуже. И вообще.

Вот так она лежала-лежала, без сдвигов и перспектив. Общалась с соседками по палате в обычной для себя, ровной тональности - как в булочной, в собесе, в сберкассе. Потом раздобыла себе палочку, лечебную трость, и бодро ковыляла с ней: мол, да, с палочкой, но мы и с палочкой, как утка, дойдем и сядем на свой душ Шарко.

Увидев трость, я забеспокоился.

Диагноза как не было, так и не было. И я вспомнил, что у нас на такие случаи есть профессор, позвал его.

Тот сел напротив тетки, потер руки, выслушал мой озабоченный отчет и приступил к допросу тетки. Пока она отвечала, лицо его делалось все более недовольным.

Тетка покорно, без лишних эмоций, вела бесконечное повествование обо всем на свете.

Профессор нетерпеливо заерзал и стал ее грубо осматривать. Я смотрел и дивился резкости его движений. Не сказав ни слова, он вышел из палаты, мы пошли в кабинет. Я спросил, нет ли у тетки рассеянного склероза - поганая такая болезнь, безнадежная.

- Что? - презрительно протянул профессор. - Неее-еет.... Посмотрите, как у нее все медленно развивается... даже после этих дураков-хирургов хуже не стало... и все как бы ей ничего, все ладно... слабеет нога - ну, слабеет... полежала в больнице, выписалась...

Профессор помолчал, думая о чем-то своем.

- Палка подвернулась кстати - она и подхватила, пошла! - сказал он с неожиданной ненавистью.

Махнул рукой, поставил наследственную болезнь Шарко-Мари - диагноз из тех, что только профессор имеет право ставить, и с омерзением на лице ушел. Не оглядываясь и не прощаясь.

Я так и не знаю, что это было. Не с теткой, черт с ней, с теткой - с профессором.

Шестое чувство

У практических докторов иногда развивается волшебное чутье, просто звериная интуиция.

Вот коротенький эпизод.

Прихожу я на консультацию в кардиологический диспансер. А там обед.

Брожу по палатам, ищу клиентов.

Спрашиваю у докторши:

- Где Свекольникова?

Та:

- Сейчас-сейчас.

Побежала. Вернулась с таинственным видом:

- Доедает компот.

И я разу догадался, что сейчас мною попользуются досыта, потому что оплачено государством.

И не ошибся почему-то.

Цирк уехал, а клоуны остались

У меня в голове вертится веселая неврологическая песенка-прибаутка.

"Об орясину осёл топорище точит, а факир, собрав гостей, выть акулой хочет".

Это не остаточные впечатления от бесед с больным головным мозгом. Это стишок для запоминания черепных нервов, которых - двенадцать: ольфакториус, оптикус, окуломоториус, трохлеарис, тригеминус, абдуценс, фациалис, статоакустикус, глоссофарингеус, вагус, аксессориус, хипоглоссус.

Образуется цирк: дрессированный осёл, факир, акула и так далее.

Сидишь так, водишь молоточком перед какой-нибудь физиономией и прикидываешь: ага, осёл пошел на барабан, точить уже не будет, а факир подавился шпагой... Так-так.

Клиент смотрит преданно, с уважением.

Не знает, что у меня гастроли.

До сих пор. Цирк давно уехал, а клоуны все еще пыжатся.

Корневой каталог

Человек вообще замечательное существо, если убрать шелуху. Прекрасное.

Вот случился у одного субъекта инсульт. Довольно серьезный - рука не работает, нога, язык. Голова немного работает.

И он отказался есть.

Привозят обед, ужин - не кушает, капризничает или еще чего там себе думает.

Никто и не знает, как быть. Все такое питательное, прямо из бака.

Тут сосед по палате показал ему порнографический журнал. Там и так, и этак, и сяк, все варианты и опции.

Клиент смотрел, смотрел и вдруг закушал. Две тарелки умял, супа.

Корневой каталог (продолжение)

Человека, который показывал паралитику порнографический журнал, чтобы тот кушал, выгнали из палаты по требованию дочери больного.

- Папа же болен! - возмущалась она. - А он машет журналом изо всех сил, а папа ведь не может прочитать, что там написано.

У паралитика, как выясняется, просто дьявольский анамнез.

Незадолго до удара он приобрел домашние штаны с шариком. Тряпочный шарик был вшит аккуратно по шву, сзади - так, что одно полушарие выступало наружу, а другое - внутрь. Помимо штанов, больной купил несколько дорогих и совершенно ему не нужных электрических приборов: какое-то приспособление делать заклепки, переносную розетку и что-то еще.

В беседе же, возражая окружающим, постоянно ссылался на какого-то полковника. "Полковник сказал", "Полковник велел".

Похоже, что Полковник обитал в том самом тряпочном шарике в штанах, потому что штаны, едва их владельца хватил кондратий, бесследно исчезли, никто не может их найти.

Полковник, подобно, капитану из "Экзорциста", выполнил свою миссию и отошел в тень.

Неизвестно, что он внушал своему приятелю. Предупреждал, небось, из жопы строевым криком: "Я старый солдат и не знаю слов любви". Но на войне, как на войне.

Корневой каталог (окончание)

Полковник нашелся.
Полковником оказался сосед по палате.
Больного зовут - ну, скажем, Иван Семенович Начосов.
Полковника тоже зовут Иван Семенович Начосов.

В джазе только девушки

Скорая Помощь приехала в гоблинарий.

Квартира: притон, гадостный и мрачный, разбросано собачье говно, народ отдыхает в одежде без постельного белья, старуха мертвая лежит. Смерть естественная, от водки.

И люстры все перебиты.

Доктор посмотрел на осиротевшего сына и заключил, что до делирия тому не дожить. Побеседовал с сиротой и позволил:

- Повод у тебя теперь есть надолго, так что гуляй...

Но сразу не ушел.

- Слышь, ты, - обратился доктор к сироте. - Что это у вас такое с люстрами?

Тот скорбно встрепенулся:

- А это мама все время с девушкой разговаривала, которая на люстре сидела. А я эту девушку прогонял.

Фактор страха как слабое звено

Я очень сочувственно отношусь к Стивену Кингу. Я прямо-таки хребтом ощущаю, как мучается человек. Мне уже не важно, о чем написано и как, я залезаю ему в самую голову.

Когда-то мне очень понравились его "Мертвая зона" и "Воспламеняющая взглядом"; с тех пор я стал исправно и без разбора заглатывать все, что он понаписал, и так и не остановился. Даже когда дело приняло скверный оборот.

Совершенно ясно, что на писателя сильнейшим образом повлияла дорожная травма образца 99-го года. Он угодил под минивэн, попал в больницу и вставил все это в "Темную башню", прямым текстом, с самим собой в качестве одного из героев. Там все подробно описано: синий минивэн, укуренный водила; собака на заднем сиденье, которую водила отгонял от пакета с гамбургером и потому не следил за дорогой.

Однако "Башни" Стивену Кингу показалось мало.

Взялся я посмотреть его телесериал "Королевский госпиталь" - и что же я вижу в качестве предыстории? Правильно: синий минивэн, укуренного водилу, собаку с гамбургером. Правда, сбили на сей раз не писателя, а художника, но всем понятно, откуда ветер дует.

И вот художник (читай автор) попадает в Королевский Госпиталь, где ему сразу начинают являться ужасы: трупы и какой-то муравьед.

Все это высосано из дополнительного пальца.

Я-то знаю, что писатель просто не в ту больницу попал. Поэтому пришлось выдумывать всякие небылицы. Попади он в мою больницу, ему бы этого муравьеда выбили из головы.

Никто и не удивился бы даже.

И ужас не нужно придумывать. Дежурный врач зашел ночью - вот и ужас.

Удаленная диагностика

Чего-то вздремнул, прилег. Вернее, наоборот, в обратном порядке.

И что со мной такое, думаю?

Проснулся от телефонного звонка, звонит приятель со Скорой.

- Скажи, - спрашивает, - "охуеть" - это глагол или наречие?

- А тебе зачем?

- Да я методичку пишу.

Так я догадался, что со мной такое.

Сестры и Хмурое утро

Девять часов утра, рабочий день начинается. Наш маленький гастрономический подвальчик, до того пустынный, заполнила телом огромная медсестра в колпаке и ватнике для профессиональных командировок. Отряжена детской поликлиникой, что по соседству, за продовольственными товарами. Перетоптывает слоновьими ножищами, как медведь накануне большой нужды. Цепкие глазки шарят по полкам.

- "Белочку"... и еще "Белочку"... и вафельный тортик... нет, два... что бы еще взять?

Раздумья затягиваются минут на пятнадцать. Похаживает, заслоняет от меня продавщицу.

Сознание, наконец-то засучившее рукава, строит планы.

- Колбаски вон тот кусочек... а нарезочки нет? жалко... И салатик... он с огурчиком?

С огурчиком.

Уже у кассы, облегченно и радостно:

- Ну и хватит жрать! Правда?

Правда.

Стою, вспоминаю, как нечто похожее, под колпаком, вручило доктору нашатырный спирт вместо новокаина. А доктор делал аборт под местной анестезией.

В чем сходство между докторами и солидными ресторанными завсегдатаями?

Известно, в чем.

И те, и другие смотрят на этикетку.

А этот доктор не посмотрел, и люди с понятием сообразят, чем кончилось дело. Плохо пришлось всем, но только не сестре, потому что она не отвечает ни за что.

...Изредка, конечно, попадаются совершенно очаровательные сестры.

Самые милые и симпатичные, каких я видел, работали у нас в отделении проктологии. Так всегда бывает: прелесть и красота идут рука об руку со всяким говном.

Кстати сказать, я до сих пор мучаюсь вопросом: что же я там делал, в этой проктологии? Делать мне там было совершенно нечего, но я зашел и увидел этих радостных, ослепительных сестер. Их запомнил, а дальше - провал. Мы в тот день что-то праздновали всем отделением. Почему я туда пошел?

Так загадка и осталась.

Смутно вспоминаю, как что-то писал там, по собственной инициативе.

Обезьянка

Звонок на Скорую.

Диспетчер:

- Так... да... понятно... обезьянка по квартире бегает... давно? давно... пишу адрес...

Записал, отключился.

Перезвонил психиатрам.

- Нет, мы не поедем.

- Как же вы не поедете? Ведь он говорит, что у него обезьянка по квартире бегает.

- Ну и что? Поезжайте и посмотрите - может, у него действительно обезьянка по квартире бегает. А мы не поедем.

Вампиры и стереотипное мышление

Нас, медиков, учат не мыслить стереотипами. Это трудно. Поработаешь с населением - и неизбежно вырабатывается схема.

На самом деле веселого ничего нет, дело подвернулось гнилое.

Женщина, гемоглобин сорок два - при норме сто двадцать. Внутреннее кровотечение! Внематочная беременность!

Быстренько на операционный стол, разрезали, посмотрели - пусто. Никакой крови.

Потом-то выяснилось, что у нее было редкое заболевание крови и произошел разрыв селезенки - подкапсульный, если я правильно понимаю.

Но это все выяснится потом, а сейчас, еще до операции - звонок на станцию Скорой Помощи, из приемного покоя. Звонит доктор, который привез больную:

- Что за херню ты мне дал?! Сорок два гемоглобин!.. Крови, считай, нет!

- Ну нет, так нет.

- Что - нет-так-нет?! Куда она делась?

- Да ты рассуди логически. Кровь была - и вот ее нету. Куда она подевалась? Вампиры выпили...

Пауза. Истошный визг:

- Ты, сука, блядь!.. ты уже третий! третий мне говоришь про вампиров! Что за стереотипное мышление!

Положительная динамика

Болеет тут один человек, парализовало его.

Подержали его немножко и вот выписывают. Главное ведь - положительная динамика, а она есть. Я и не зубоскальничаю, она действительно есть.

Родственник его звонит мне и говорит: улыбается, со всеми в палате попрощался, подал руку.

- Ну! - отвечаю с энтузиазмом. - А ты недоволен! Вот же она, динамика!

Тот выдержал недобрую паузу, продолжил:

- Попрощался с невесткой, которая за ним пришла...

Культурный голод

Будем предельно лаконичны. Да.
Была одна старушка, патологоанатом.
Она не любила балет.
Говорила:
- Не на что посмотреть.

Академический интерес

Академический интерес проявляют, естественно, академики и чуть ниже, то есть профессора.

Имеется в виду, что выясняется нечто, не имеющее ровно никакого значения для пациента и его лечения, потому что тот либо и так помрет, либо не помрет, но и лечить в нем нечего.

Иные профессора злоупотребляют академическим интересом и не имеют никакого другого. Помню, был - и есть - очень хороший профессор по фамилии Казаков, я у него учился. Так вот он вечно где-то витал. Наслушается на каком-нибудь симпозиуме ерунды и потом мечтает, как скоро будет лечить наследственные болезни чистыми генами, в уколах. Тогда как нормальному доктору, когда он слышит о лечении чистыми генами, умозрение рисует лишь двух санитаров-тезок, которые зачем-то вымыли руки.

Иногда лучше вообще ничего не знать.

Вот идет однажды один профессор с обходом, студенты плетутся следом. Зашли в одну палату, постояли там. Вышли, зашли во вторую, в третью.

В четвертой, отдельной, профессор увидел ботинки, торчавшие из-под одеяла. И проявил бессмысленный академический интерес.

- А это кто?

- А это? - переспросил лечащий доктор. - А это начмед.

- А, - сказал профессор, - ну, пошли дальше.

Лестница Якобы

Это была якобы лестница.

Она была черная, и по ней практически не ходили. Но в то же время она существовала, и ею активно пользовались. Потому что хотя это был жилой дом, на первом этаже располагалась подстанция Скорой Помощи. Выше были простые квартиры.

Лестница была гадкая, вела в подвал, где стояла вода. Плавало, как полагается, говно, и вообще все выглядело лубочно. Мой доктор-приятель утверждал, что он не проверял, но вода эта доходила ему до подбородка.

На эту лестницу доктора сваливали пьяных. В больницу их не возьмут, в милицию - неохота, много бумаг надо писать. Поэтому сваливали их на черную якобы лестницу, а там была батарея, теплая; публика там отогревалась, ползала, в меру выпрямлялась и уходила. Всем было хорошо.

И вот однажды туда положили очень приличную дамочку, в норковой шубе и сапогах. Пьянь была такая, что держись. Свалили ее туда и забыли, легли спать.

Проснулись от истошного визга. Диспетчер вбежала к докторам и тоже стала кричать: насилуют! скорее, там на лестнице девушку насилуют!

Все рассмеялись и пошли.

Дело было так: черной лестницей, помимо Скорой Помощи, пользовался еще один собаковладелец. Его собаку нельзя было водить по парадной лестнице, так как это был какой-то гибрид дога и ротвейлера, очень добрый, но рядом с ним разная мелочь вроде собак Баскервилей могла отдыхать и курить, и даже не нервничать.

Хозяин повел собаку по этой лестнице, и та остановилась перед дамой в шубе, и стала лизать ей лицо, а та проснулась. И сразу решила, что это не заурядная реальность, а проекция внутренней алкогольной химии. С диким визгом скатилась она, упала в подвал, где вода и говно, и стала там плавать, в норковой шубе.

"Ну, никто туда за ней не полез", - обрадованно сказал мой приятель. Постояли, посмотрели. Нашли какой-то багор, подтянули, выудили. По-прежнему в шубе, но без сапог.

Не знаю, зачем я это рассказал. Наверное, потому, что Петербург Достоевского это не только дворы-колодцы.

Сорока-белобока

Пригородная больница. Отремонтирована по случаю целевого национального проекта, все покрасили, вымыли, аппаратуру завезли - хорошо!

Пьяная санитарка накормила кашей труп.

Шла мимо, а тот лежал на койке с разинутым ртом.

- Что, сука, жрать хочешь?

Задержалась и накормила.

Патологоанатом потом бушевал: весь рот забит кашей.

Трансформация мистики

Болтали с приятелем со Скорой Помощи.

Он читает всякую дрянь про ментов, вот мы и вышли на Кивинова, которого я однажды видел на писательском собрании. Кивинов явился туда в милицейской форме и сильно выделялся.

Я пересказал приятелю историю, которой поделился Кивинов. О пьяном, который заснул на кладбище не то в могиле, не то возле могилы. А ночью туда пришли сатанисты и стали вызывать дьявола, вот он и проснулся, и встал, и все убежали в потрясении.

Мой приятель хмыкнул.

- Подумаешь, - сказал он пренебрежительно. - Это обычное дело, ничего в этом нет особенного. Знаешь Георгиевское кладбище, на Митрофаньевском шоссе?

Ну, я знал, конечно. Это жуткое место - не кладбище, шоссе. Туда попадешь - и все, почти пропал, охватывает настоящий ужас.

- Так вот мы, - признался приятель, - там тоже находили таких бомжей. Одного привязали к кресту, он спал. К утру воскрес, проснулся, ничего не понимает. Начал ворочаться и рычать. Люди, какие были, разбежались...

Очень знакомое что-то, но несравнимо мельче.

В ожидании чуда

Скорая Помощь вернулась с вызова. Психиатрическая.

Докторша, отдуваясь, вошла в помещение станции и потребовала чаю.

- А то таким говном накормили!

Напилась чаю, рассказала. Перед Новым годом все что-то стряпают и вообще уже заранее угощаются.

Первый вызов был в коммуналку, где стоял неимоверный запах говна. Но не обычный, а с какой-то примесью, то есть странный. Бегала милиция, которую соседи тоже позвали, зажимала носы.

"Мне, - говорила докторша, - просто интересно стало, чем же это так пахнет".

Пошла она в коммунальную кухню, а там ее клиент стоит, заскорузлая шизофрения. Улыбается во всю свою беззубую пасть и жарит на сковородке говно.

- Здравствуйте, доктор! Присаживайтесь, у меня как раз все готово!

- Я горячего не ем, - ответила та. - Поставь на подоконник, пусть остынет.

...Следующий вызов выявил алкогольный делирий.

Огромная баба, с исполинской жопой, стояла раком посреди скудно обставленной комнаты, в полном одиночестве. Голая. На полу перед ней стоял стакан с водкой.

Баба орала под себя, то есть себе в половую щелищу:

- Коля! Вылезай, я уже налила!...

Межа

Девяткино - питерская окраина, черта города.

Звонок на Скорую:

- Выезжайте! Девяткино-Санкт-Петербург!..

- Ах, зараза. Перетащили из области, чтоб не ехать.

- Ну и ты перетащи обратно в область.

За черту, значит.

Поехал доктор.

Вернулся.

- Перетащил?

- Да ну на хер! Там в подземном переходе штук десять лежат, копошатся, битые. Хрен их разберешь, Питер они или уже область. Выбрал двоих, увез.

Загляните в семейный альбом

Новый год на носу. Доктор со Скорой от нечего делать разъезжает по городу с телефоном, где есть цифровая камера.

Снимает все подряд. Ведет святочный репортаж.

Возвращается, садится, все вокруг устраиваются в кружок. Доктор похваляется добычей:

- Вот петарда попала в рот. Как "Чужой" вылез, правда?

Действительно: вытаращенные глаза, мясные лохмотья.

Доктор поднимает палец:

- Запомните: в таких случаях рот надо быстренько открыть! Может вылететь обратно. Но у этого не вылетела, а челюсть улетела на хер.

- Живой?

- Да нет, помер. Ему кушать нечем стало.

Следующий снимок: Дворцовая площадь. Лежит фигура - в пальто, в шапке. Поначалу кажется, что нарядили скелет ради народного ликования. Но нет.

Это петарда попала в глаз. Выжгла все в башке, и лицу тоже досталось. А так все чистенько.

Роза ветров

Уже заступая на дежурство мой доктор-приятель догадывался, что его ожидает новогодняя жопа.

И не ошибся.

В четыре часа утра его пригласили прокатиться. Приехал - кровища. Молодой человек с совершенно расквашенной мордой, исключительно буйный, сопротивляется доставке в больницу.

Доктор терпел-терпел, а потом вспомнил молодость. Он в свое время очень неплохо таких вязал, вот и тут пришлось постараться. Сперва, как положено, предупреждающе выругался в воздух, а уж потом взял ремни, скрутил молодому человеку руки за спиной и как-то мудрено пропустил под согнутые коленки. И тот принял позу, напоминавшую эмбриональную. Предугаданной новогодней жопой кверху. Штаны у него были разорваны, и трусы тоже, и жопа торчала в предельной откровенности, будучи чище лица.

Доктор, человек физически сильный, оставил конец ремня подлиннее, чтобы нести. Как докторский чемоданчик.

Так и приехали в Третью Истребительную больницу.

Доктор взял клиента за этот ремень и вынес на вытянутой руке, анальной дыркой вперед.

- Готов к употреблению!

Выбежал приемный покой, дежурная служба и просто гости, с фотоаппаратами: погоди, погоди, не выгружай!

Доктор понес свою ношу в приемник, держа на вытянутой руке. Тот висел и поворачивался, подобно флюгеру, в согласии с розой ветров.

Доктор предлагал его разным специалистам, поворачивая дыркой. Травматологу:

- Не желаете?... ну, как хотите. Может быть, вы? (это нейрохирургу).

Но никто особенно не польстился, потому что все уже к утру утомились праздновать; вся больница гудела с трех часов дня, и даже трупы из реанимации не вывозили, так и лежали тихо.

Профиль и анфас

Доктор рассказывает:

- Приезжаю - херня какая-то. Уже приехала РХБ (реанимационно-хирургическая бригада), пинают кого-то ногами... Я уехал.

Второй доктор:

- Ну, ведь ругают же нас за непрофильность. Мы же кардиологи, а кардиологических вызовов мало. А они - реаниматологи. Им тоже нужна профильность.

Ладно. Поговорили, разъехались.

Кому-то из них попался Вася с братаном и друзьями. У Васи была раскроена голова, и его повезли в больницу - вместе со всей компанией. Товарищи Васи, разогретые и распаленные, угрожали: да мы! да за нашего кореша! кому-то ответить придется...

Но потом забыли, зачем приехали, и разбрелись по этажам, потерялись.

Вася остался с братаном, лежит на каталке без чувств.

Доктор поймал за рукав проходившего мимо нейрохирурга:

- Вот!

- Да ну на хер! - замахал руками нейрохирург. - На кой он мне? Не по профилю! Свези травматологу, пускай зашьет - и до свидания.

Вася начал блевать.

- Слышь, братан! - обратился к братану доктор. - Ты его хоть переверни, чтобы не захлебнулся.

Тот взялся за Васю, приговаривая:

- Да я для братана... да я ради братана... я тут все... я тут всех...

И уронил Васю с арбузным хрустом. Это раскололся череп, брякнувшийся с каталки на пол, и уподобился неплотно уложенной черепице.

Доктор снова поймал нейрохирурга:

- Вот, учитесь профильность обеспечивать.

Голод: реалити-шоу

Квартира. Труп.

Скорая помощь.

Диагноз на лице: передоз. Рожа синяя, нос красный, кровавые сопли.

По документам - шеф-повар ресторана.

Приехали менты: что тут такое? От чего умер?

Доктор:

- От голода, естественно. Шеф-повар ресторана. Вы в холодильник загляните.

В холодильнике - пусто. Только банка из-под варенья.

Письма издалека

Скучно сидеть, принимать вызову по телефону.

Звонок. Дежурный психиатр снимает трубку. Голосом робота:

- Здравствуйте. Вы - тысячный клиент, который нам позвонил. Вы находитесь в меню Скорой Помощи. Вы имеете право на бонус. Если вам плохо, нажмите цифру один. Если плохо вашим близким - нажмите цифру два. Если вы в алкогольном опьянении - положите трубку.

Новый звонок. Звонит родственница больного. Самого клиента в глаза не видела, но хочет ему помочь после запоя.

Психиатр:

- Ну, это у нас будет суперконсультация. Я буду прямо как Ленин - "Письма издалека". Вы можете дать о больном хоть какую-то информацию?

- Могу, могу!

- Тогда скажите, какой у него эпигастральный угол - тупой или острый? Ах, не знаете. Ну, тогда вот что: дайте ему горячих щей.

Третий звонок.

Привезли из Костромы сумасшедшую бабушку. Теперь она всеми командует.

- А зачем же вы ее привезли? Там она наблюдалась, у нее была медицинская карта, ей выписывали лекарства. А для нас она загадка. Зачем вы привезли в наш город загадку? Я могу положить ее в сумасшедший дом для бомжей.

Четвертый звонок. Психиатр, вкрадчиво:

- Вот вы меня уже три раза послали на хуй. Зачем вы так говорите - "не зарекайтесь от тюрьмы"? Я от тюрьмы не зарекаюсь, я там работаю. Я ее консультирую.

Каменный гость

По одежке не только встречают, но и провожают.

Человек сломал шейку бедра и попал в Третью Истребительную больницу.

Там почему-то решили не класть его на вытяжение и вообще не класть, а загипсовать, как в учебнике.

От пятки до шеи.

И велели идти домой.

Дали костыль и напутствие.

Тот дошел до ворот и там завалился.

Подъехала Скорая:

- Куда тебя еще везти? Вот же сто метров до приемного, если назад.

Лежащий вдруг закричал:

- Нет! Только не туда!..

Открытый урок

Ну и вот, стало быть. Приезжает Скорая Помощь в одну квартиру, на вызов. Это была не простая бригада, а реанимационно-хирургическая. А вызвал ее уже обычный неотложный доктор, который своими силами и средствами справиться не сумел. У клиента была какая-то аритмия. Допустим, желудочковая экстрасистолия - не так уж важно.

Доктор с неотложки доложил дело и спросил прибывших:

- А можно, я посмотрю, как вы работаете?

Те расцвели: с удовольствием, занимайте места и наслаждайтесь.

Неотложный присел на краешек стула и сделался весь-внимание.

Клиент лежал себе на полу.

Врач протянул фельдшерице ампулу с тиопенталом натрия:

- Разбодяжь, я сейчас приду.

И вышел зачем-то.

Когда вернулся, клиент был мертв.

Оказалось, что фельдшерица бодяжить ничего не стала, а просто вогнала телу смертельную дозу. Тиопентал - это такое средство, чтобы глушить ненадолго. А тут получилось надолго.

Доктор ничего не понял. Почесал в затылке:

- А что здесь было-то?

Он искренне недоумевал.

Ну, тут, естественно, заструмили покойнику трубу в рот, стали его дышать, крутить, массировать и колоть, пока не ожил.

Поволокли на носилках вниз.

Неотложный доктор только головой покачал:

- Ну, вы крутые ребята... Экстрасистолию - через клиническую смерть лечить!

Те только хмыкнули. Впороли клиенту наркотика-фентанила, чтобы хоть кайф словил.

Фельдшерица, вся издергавшаяся, закрепила в салоне аппаратуру, да плохо - от волнения; когда поехали - та на клиента и рухнула, попадала. Он лежал и хохотал радостно, все ему было весело.

Черная Вдова

- Ездил сегодня на вызов, - рассказывает мой приятель, доктор со Скорой.- Опять клиническая смерть, я там год назад был. И забирать не стал - оставил дома, пусть лежит... пройдет...

- Привычка? - спрашиваю.

- Ну да.

Год назад дело было так. Семья там собралась и праздновала что-то, очень обстоятельно, до судорог. И хозяин не выдержал, умер, но доктор его оживил.

Оживляет так, значит, и с хозяйкой беседует.

Та убивается: дескать, только собрались все вместе посидеть, наконец-то. Мама, папа, жена, муж. Все уже из тюрьмы освободились и в кои-то веки раз собрались в полном составе. Хозяин так восемь лет просидел.

- И ты что же - верная такая? Ждала его?

Обиженно и с достоинством:

- Я пьянь, а не блядь!..

Чуть погодя:

- Так вы его спасете?

- Да не давай ему водки, вот и спасется.

- Ну да, он же мне пиздюлей даст! - Ощупывает лицо, показывает: - Вот, вот и вот, зашито. Я уже трех мужей похоронила, четвертого не хочу.

Доктор, не без издевки:

- Да ты просто роковая женщина.

Та - довольная, приосанившись:

- Да. Он меня так и зовет: ты, говорит, моя Женщина-Смерть.

Ганнибал

Нечто новенькое, необычное.

Приятель мой, который доктор, сидит на телефоне, с психиатром на пару.

Психиатру поступает звонок.

Звонит какая-то родственница.

- Он себе мошонку отрезал! яички пожарил и одно уже съел...

Там алкогольный делирий, не больно.

Психиатр, важно:

- Поможем.

.....

Позднее выяснилось, что все не так ужасно. Маслице уже растопил, но сковородку отобрали. Съел сырыми.

На языке жестов

Скорую Помощь пригласили на эпилептический статус. Алкогольный, разумеется.

Дня три уже судороги.

Ну, доктора немножко приглушили клиента. Чтобы он телом стал помягче и можно было связать. Всего спеленали в кокон, но одну руку оставили свободной. Чтобы промежность почесал себе или там помочился по-людски.

И таким вот, со свободной рукой, вкатили в Третью Истребительную больницу.

Картина: каталка, на каталке - клиент. Рука поднята вверх и делает какие-то магические пассы. Червеобразные такие движения.

Говорить клиент не в состоянии. За него заговорил доктор. Затрубил загробным басом навстречу невропатологу:

- Идущий на смерть приветствует тебя!...

...Там не статус был, конечно, а субарахноидальное кровоизлияние, но это уже представляет академический интерес.

Вышло по слову доктора.

Мест все равно не было. Клиента положили под лестницу. Особенно не вникая в его особенности. Он там и преставился через два часа.

Пустые хлопоты

У тетки случился инсульт. И еще что-то. Поработала на огороде - и привет.

Приехала Скорая Помощь.

Ну, что делать? Надо грузить. На носилки и в машину.

Тетка тяжелая, надо кого-то позвать на помощь. Два часа ночи. Подняли с постели соседа, а он, оказывается, работал докером.

Он отказался от помощи:

- Я один снесу.

Потом поинтересовался: куда, дескать, повезете?

В Третью Истребительную.

Махнул рукой, зевнул:

- Зря разбудили.

Точка сборки

Россия - родина не только слонов, но и дона Хуана.

На прием к гинекологу явилась бабка не бабка, но лет шестьдесят. И заголила живот, испещренный шрамами.

- А что же это у вас такое?

- Это пупок свернувши. Лечила.

Выяснилось, что "пупок свернувши" - русский народный диагноз. В деревнях его лечат банками, а точнее - чугунком: ставят его на пупок, как банку. И пупок выздоравливает, куда деваться.

Чем плох пупок, который свернувши, бабка-не-бабка объясняла долго, но непонятно.

Ясно было только, что такие болезни лучше лечить поближе к земле-матушке. А в городе чугунка, естественно, не нашлось, и пришлось поставить большую стеклянную банку литра на три, которая и разлетелась на куски.

Терапевтические отношения

Известно, что между доктором и пациентом должен установиться контакт.

Без этого никуда.

А в психотерапии еще глубже: терапевтические отношения. Это уже черт знает что. Космос.

Мой приятель доктор лечил однажды папу одного чересчур богатого человека.

Ну, в ходе лечения и сбора анамнеза выпили с ним прилично. Потом куда-то пошли - азбука, короче говоря. Ребенку понятно. Наконец, заявились к сыну. И папа настойчиво попросил:

- Сбегай-ка, сынок, в магазин, купи Тойоту. Мы едем в город Изборск...

- Зачем нам в Изборск? - Изборск удивил доктора сильнее, чем Тойота.

- Это очень хороший город! Там много водки, поп поет на гармошке и много блядей.

...Почему-то не поехали.

Доктор поехал в Изборск один, по собственному почину. Через неделю. Зачем - сам не знает. Просто вдруг сформировалось такое желание. На попа не надеялся, гармошку взял свою. И пел на ней один в какой-то крепости.

Белые Полковники

В родной больнице история развивается по спирали. Сперва было очень интересно, потом стало скучно, а теперь опять становится интересно. Сказать, что история повторяется как фарс, нельзя. Потому что куда же больше? Скорее, наоборот.

Все прошлое руководство вдруг резко куда-то подевалось. Последним приказом уходившего главного врача было назначение одного темного человека на несуществующую, но очень ответственную должность. И все.

Явились Черные Полковники. Вернее, Белые.

Они пришли из Военно-медицинской академии - в основном почему-то бритые налысо и с золотыми цепями. Похаживают везде и зыркают глазами. Пока ничего особенного не происходит, но скоро начнется. У нас ведь, как любому ребенку известно, сейчас затеяли делать вливания в медицину, ставить ей компрессы и припарки. Ожидается транш и дележка транша.

Между тем темный назначенец, повисший со своей должностью в космосе, систематически генерирует идеи. Например, он задумал устроить в больнице музей. Пора!

И хочет сдать туда начмеда-академика - но это поймут только те, кто знаком с основной хроникой. Эту хронику, между прочим, я готов отдать музею в качестве экспоната номер один, чтобы новые военные люди приставили часового и повесили боевое знамя какой-нибудь части тела.

Еще больницу навестил наш старый знакомый, уролог К. Общая оценка: постарел, как и все стареют. Обозначились странности. Смотрел больного, который лечился от импотенции, и предложил сделать ему допплерографию.

Ну, специалисты поймут.

Ювелирное дело

Картинка: областная больничка сельскохозяйственного значения.

Ножевое ранение грудной клетки.

Оперировал хирург Лушин, ночью. Ювелирная работа.

Пришел кардиолог, сделал УЗИ. Развел руками:

- А что я могу тут сказать? Разве что про жидкость написать в полости перикарда...

- Там нет перикарда, - процедили ему сквозь зубы.

И все дружно двинулись ликовать и поздравлять Лушина с ювелирным достижением. Искренне восхищаясь и поражаясь.

Лушин лежал на кушетке и начал приподниматься, когда они вошли.

- Нет слов! - сказали ему с порога. - Комар не подточит носа! Филигранное мастерство!

- Так, - крякнул Лушин, выдыхая в сторону. - Вы мне расскажите - что я ночью делал?

Муму: Явление барыни

Травматология. Ординаторская.

Распахивается дверь, входит каменный гость: клиент, с особенной такой повязкой, когда согнутую руку удерживают перед собой поднятой на уровне плеча. Перелом ключицы и еще чего-то, если не путаю.

Вся повязка изрезана ножом.

В свободной руке - ножик.

С порога:

- Вы, доктор, не думайте, что я какой-нибудь такой. Я серьезный человек, с образованием. Но эти котята! облепили мне всю руку, и я их чикаю, чикаю!...

Сняли трубочку, позвонили кое-куда.

Приковылял психиатр: трясущаяся древняя бабушка, многомудрая.

- Ну что, милый - котятки?

- Котятки!...

- Ну, поехали топить.

Эффективный менеджмент

В медицине давно назрела необходимость реформ, потому что копейка рубль бережет, и вообще.

Возьмем, к примеру, институт травматологии и ортопедии им. Вредена.

У тамошних докторов и сестер сложилась давняя традиция: доедать за больными. Да это везде такая традиция, отличительная черта отечественного здравоохранения.

Везут на тележке теплые баки с коричневыми буквами: "Пищеблок". И в этих баках постоянно оказывается чуть больше, чем надо, да пациенты привередливые еще, бывает, и отказываются от горохового супа с рыбой на второе. Ну и доктора кушают.

Это вообще святое занятие в медицине, обед.

Запеканка, омлет, компот слабительный.

Но вот в институт пришел новый начальник по финансам. Не знаю, кстати сказать, что за должность такая новая, какую он ставку занимает, менеджер этот.

Походил, поглядел на баки и ведра с супом и обязал всех буфетчиц доносить на желающих присосаться.

Он сказал, что доктора и сестры совершают преступление, обворовывают больницу. Они, по его словам, сжирают то, что можно продать для свиней.

Хустаффсон

Вот была такая Хустаффсон. Я немножко изменил фамилию на всякий случай.

Она была невропатологом и работала в инсультном отделении.

У меня в те годы еще сохранялось остаточное прекраснодушие: я уже относился к новым людям с опаской, но в глубине души по-прежнему ожидал от них чего-то расплывчато-хорошего. Например, тихой радости в связи с моим появлением. Можно и бурной.

Я только-только устроился в мою замечательную, многократно воспетую больницу, и на спинальное отделение, к хрестоматийной моей бабуле-заведующей, попал не сразу. Сперва меня сунули в инсультное отделение, замещать доктора Хустаффсон, которая гуляла в отпуске. Отделение оголилось и вообще содержалось в черном теле, там даже заведующего не было, и я с удовольствием взялся за дело. Разгребал папки за часа, еще два скучал и уходил домой. Мне потом за это вставили - деликатно и немилосердно.

И я у всех спрашивал: какая она, доктор Хустаффсон, и.о. заведующей? Мне было искренне интересно. Высокая она или короткая, толстая или худая, молодая или старая, сука или не очень? Все пожимали плечами и цедили что-то невразумительное.

День, когда доктор Хустаффсон явилась из отпуска, оказался последним днем моей работы в этом отделении.

Я знал, что она придет, и с утра вошел в ординаторскую бодро, с широкой улыбкой, едва ли не с протянутой рукой - все-таки женщина, вот я и не протягивал. Посреди ординаторской, праздно и в полном одиночестве топталось низенькое, насупленное существо с руками, засунутыми в карманы халата.

В ответ на мое приветствие существо, глядя в дальний угол, коротко чирикнуло и ушло.

Больше мы с существом не общались, меня сразу же перевели в соседнее отделение.

Я не понимал, в чем дело. Не иначе, думал я, существу доложили, что за неделю до того я пришел на дежурство в состоянии полупаралича, с содранными ладонями. Что поделать - таксист привез меня домой в два часа ночи, прямо от милиции, и я заблудился в собственном дворе: бегал, упал, пострадал.

Но выяснилось, что дело не в этом. Оказывается, Хустаффсон работала на две ставки. Это ведь очень важно, перед дополнительной ставкой любые глобалисты и антиглобалисты

могут отправиться в жопу со своими проблемами. От дополнительной ставки зависит восход солнца и луны. И я, не зная, что творю, эту ставку взял и занял.

Потом уже она оказалась очень милой женщиной.

Помню, отмечали мы в зале для лечебной физкультуры Новый год. Я, по-моему, уже примеривался, где бы полежать. И Хустаффсон отловили в коридоре. Она отиралась возле дверей: будто бы просто так, сама себе пожимая плечами. Все давно ушли домой, а она так, прогуливалась потихоньку. И в мыслях у нее не было рваться к нам. Ну, ее обняли, втянули в зал. Она что-то изумленно чирикала. Она ни о чем таком не думала! Она именно чирикала, поднявши брови - это была ее манера речи. Никто и никогда не мог понять, о чем она толкует. Насвистывая свои лесные были и небылицы, она присела на краешек скамьи и засвиристела уже басом. Ей налили.

Потом мне сказали, что она человек очень одинокий и несчастный. Каждый вечер бутылку покупает в ларьке на вокзале и пьет дома одна.

Нерастворимые осадки

Пока я ломаю копья, пока составляю сборники, персонажи больничной хроники - не потому ли? - исправно переселяются на тот свет или куда еще.

Уж нет моей заведующей отделением, бабули.

Уже выгнали заведующего лечебной физкультурой за активную физкультуру с малолетками-пациентками - это напрасно, он ведь не помнил ничего и никогда. Да? - всегда удивлялся.

Умерла логопед, в него влюбленная по нелепому вывиху чувств - но не от них.

Уролог, чуя недоброе, сбежал еще при мне.

Теперь приглашают хоронить медсестру, что слона на скаку останавливала. Туда, где покоятся Зощенко и Ахматова. Ближе к Зощенко, я думаю, но без всякого злословия.

Так и не знаю, хорошо ли то, что я обеспечил им какую-никакую, а память. Даже имен не назвал - оно и к лучшему, наверно.

Царствие Небесное.

Они выпадают, словно хлопья нерастворимого осадка, уподобляясь бесшумному февральскому снегу.

Скоро там сделается совершенно тихо и пресно, а мои записи отнесутся к эпохе правления Анны Иоанновны, Бирона, карл и страшил, с фейерверками, карнавалами и ледяными дворцами.

2005-2006